

САРАТОВ 43.70

ЯБЛОЧКОГА 2

ОБЛАДЕТСЯ ЕКЕ

14.12 ИСКРКА 3

И КАШИИ

СОМОВ

К. ДОЛИН

РОГИН

1941

ИСКРКА

Искорка

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Н. Полякова

Рисунки Ю. Шабанова

В дальних странах
у друзей

Гудками поезд режет даль,
Корабль буранит воду,
Спешат, спешат на фестиваль
Посланцы всех народов.

Спешат с равнин и из-за гор,
Дорогой незнакомой.

А сколько братьев и сестёр
У них осталось дома!

Они малы ещё и ждут,
Когда взрослее станут.

А ну, посмотрим, как живут
Ребята в дальних странах?

Итак, садимся в вертолёт.

Приказ:

— На старт!

Команда:

— Взлёт!

Наш вертолёт зовут «Мечта»,
Ему подвластна высота.

И под часов кремлевских бой
Мы крутим глобус голубой.

И мы летим с тобою, друг,
На юг.

* * *

Бурля, как вешняя вода,
Летят под нами города,
Трамваев звон, шуршанье шин.

И вот уж видится вдали,
В прозрачной солнечной пыли
Мыс Коморин.

Смуглый мальчишка стоит
на камне,

Погляди на него скорей:

Смуглый мальчишка берёт руками
Воду сразу из двух морей.

Он поёт, как под ветром травы,
Обо всём на свете забыв:

«Аравийское море справа,
А левой — Бенгальский залив.

О-о-о!

Дождик, лей на посевы джута,

И на рис, и на чайный куст.

Уходите, пантеры, в джунгли,

Я взаправду вас не боюсь!

О-о-о!»

Мальчик, смуглый и полуголый,

Гибкий, как тростинки росток,

Убегает вприпрыжку в школу,

Чуть заслышав дальний звонок.

В школе, в тени банана,

Учитель седой, в очках,

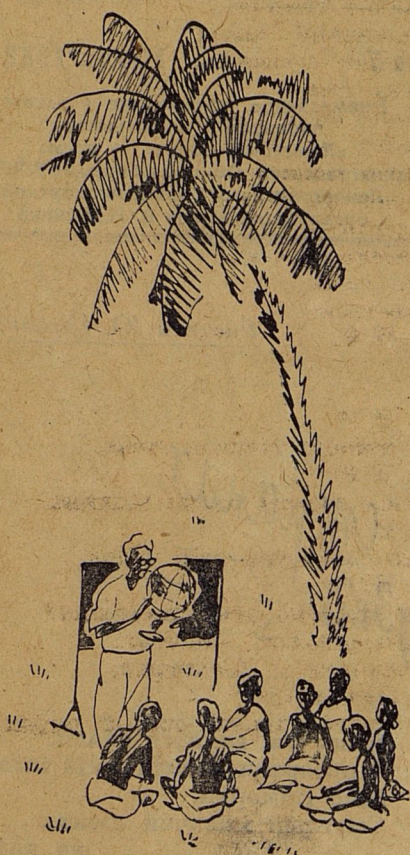
Рассказывает

про дальние страны,

Про моря-океаны,

Глобус держа в руках.

Смуглые, черноволосые,
Одеждой прикрыты едва,
На грифельных досках косо
Индусы пишут слова:
МЫ ЗА МИР!

* * *

Мы крутим глобус голубой,
И снова вдаль летим с тобой.
Колумба поуверенней
Мы узнаём Америку.
Разные жизни у Джо и Джона.
Джо — мальчик белый.
А Джон — чёрный.
Каждое утро
На ясном рассвете
С книжками в школы
Расходятся дети.
Джо ожидает у школы Джона
И ставит подножку
Мальчику чёрному.
И не пускает
Его на крыльцо.
И даже плюёт он

Джону в лицо.
Разные жизни
У Джо и Джона.
Джо — мальчик белый,
А Джон — чёрный.
У каждого мальчика
Свои права.
Утирается Джон
Концом рукава.
По-разному строится
Утро и день их:
После школы у Джо
Пинг-понг и теннис.
У Джона мама больна
И сестрёнка.
Джон варит обед
И стирает пелёнки.
И только когда
Засыпает весь дом,
Джон книжки свои
Раскрывает с трудом...

* * *

Покинем мы Америку,
И снова в дальний путь.
Куда еще сумеем мы
Сегодня заглянуть?
Покут ветра, как трубы:
— Пожалуйста на Кубу!
В кубинской столице Гаване
Народ просыпается рано,
Едва лишь в горах и саваннах
Растают ночные туманы.
И сразу над всею страной
Потянется дымчатость зноя.
Играют на Кубе ребята
В солдаты.
В руках у них — меткие ружья
Под ними — горячие кони.
Ходить бородатыми нужно,
Пока богачей не прогонят.
Да только одна вот беда —
У них не растет борода.

* * *

Мы крутим глобус и опять
Летим в далёкий путь.
Вновь океану бушевать,
И снова ветру дуть.
Но волн стихает ропот.
Под крылом — Европа.
Она лежит под нами
С лесами и горами.
Отсюда сверху нам видней
Проспекты городов,
Переплетение путей,
Сплетенье проводов.

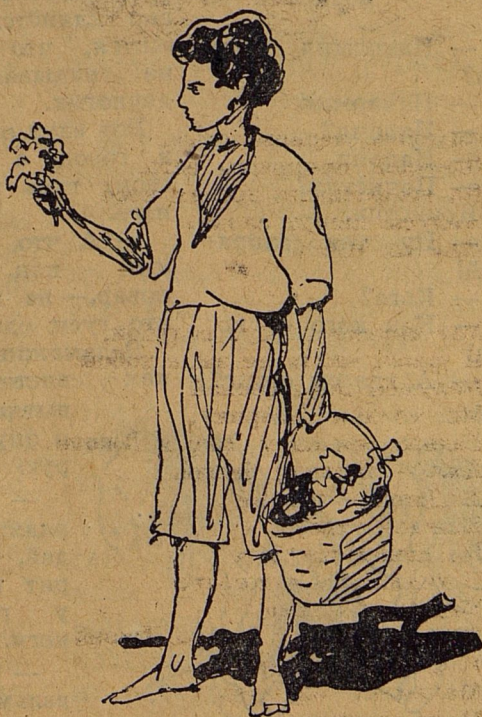

Он отходит в сторонку.
 Снова шагает он
 Улицей тёмной.
 Маленький Никос
 В мире огромном.
 И на стене
 Тёмно-серого дома
 Мелом он пишет
 Слово знакомое.
 Вывел он буквы
 Огромные, светлые,
 Громко кричит
 Это слово
 Заветное:
 М И Р!

* * *

М И Р!
 В темноте засияла стена.
 М И Р!
 Этим словом полна тишина.
 М И Р!
 Это слово уносится вдаль.
 М И Р!
 Это дружно поёт фестиваль!
 Возвращайся, «Мечта»,
 Поскорей в Ленинград.
 В Ленинград,
 В фестивальный одетый наряд,

Улицей тёмной
 Проходит, взгляни-ка,
 Греческий мальчик,
 Зовут его Никос.
 Позднее время
 Клонится к ночи.
 Никос домой
 Возвращаться не хочет.
 Никос шагает,
 Не видя дороги.
 Он заработал
 Сегодня немного.
 Надо бы деньги
 Домой отнести.
 Но много соблазнов
 Ждёт на пути.
 Вот продают
 Пирожки и конфеты.
 Никос тихонько
 Подходит к буфету.
 Никос не хочет
 Истратить монеты,
 Но тянутся сами
 Руки к буфету.
 Взял пирожок
 Ароматный, поджаристый...
 Мальчик замечен:
 — Платите, пожалуйста...
 Круглые денежки
 Падают звонко...
 Съев пирожок,

Открывающий двери гостям
Ленинград.
Здесь с утра до заката
В руках у ребят
И флажки, и шары

Многоцветно горят!
Возвращайся, «Мечта»!
Здравствуй, город родной!
Хорошо после странствий
Вернуться домой!

★

Иностранный
юмор

Польские народные шутки

— Откуда идёшь?
— С речки.
— А что там делал?
— Лещей ловил.
— Много поймал?
— Ни одного.
— А откуда знаешь, что это лещи были?

* * *

— Накормил коня?
— Накормил.
— Напоил?
— Напоил.
— Почистил?
— Почистил.
— Ну так запрягай!
— Кого?
— Как кого — коня!
— А где он стоит?

* * *

Подает повар на блюде вельможному пану жареного гуся. Смотрит пан, а гусь без одной ноги и ну ругать повара:

— Ах ты мазурик! Ах ты вор! Ах ты обжора!

А плутоватый повар клянётся да божится, что никогда не выдывал гусей двуногих.

Вот едут они как-то в город, а на льду стоит гусь на одной ноге.

— А что, вельможный пан, — кричит повар, — не говорила, что гуси одноногие!

Вельможный пан как свистнет, гусь вытянул шею и опустил вторую ногу.

— Теперь видишь, злодей, — говорит пан, — что у гуся две ноги.

— Э, кабы вельможны й пан и за сто-

лом свистнул, то того гуся тоже появилась бы вторая нога

* * *

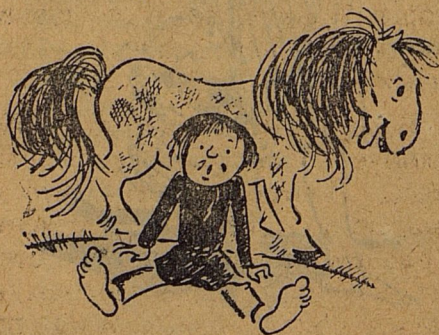
Одни мужики жили от костёла далеко, другие близко. Что бы никому обидно не было, решили они отодвинуть костёл к центру деревни. Сняли тулупы, засучили рукава, навалились на костёл и стали толкать. А костёл не с места.

В это время проходил какой-то паренёк, посмотрел на эти дурней, покачал головой да и перенёс и тулупы подальше от костёла.

Один мужик смотрит, а тулупы далеко позади, да и кричит:

— Хлопцы, стойте! Никак мы лишку хватили! Глядите, где наши тулупы!

И начали мужики с удвоенной силой толкать костёл в обратную сторону.

Язык всем понятный

У МЕНЯ на столе стоит глобус. Большой, круглый, разноцветный. С коричневыми горами, с зелёными долинами, с голубыми морями. Глобус стоит на тонкой чёрной ножке. Он слегка наклонён набок и похож на большую задумчивую голову.

Я кладу руку на его гладкую макушку — на северный полюс. Руке прохладно, как будто на глобусе лежит снег. Я начинаю легонько вращать глобус. И перед глазами проплывают разные страны. И мне начинает казаться, что это не обычный школьный глобус, а самая настоящая Земля, только уменьшенная в миллионы раз.

На Земле, которая передо мной, живут люди, и я не вижу их только потому, что они очень маленькие. Множество

людей живёт на Земле. Они говорят на множестве языков. И я не понимаю, о чём поёт чернокожий паренёк в ганской деревне и о чём так горячо спорят японские ребята на своём скалистом острове.

Вот если бы у всех жителей Земли был один язык! Не русский, не китайский, не английский, а земной. Скажет человек слово — и его понимают все люди, где бы они ни жили!

Но такого языка нет.

Зато есть другой язык, который понятен всем трудовым людям нашей планеты, — это язык дружбы.

Вертится большой круглый глобус. Мелькают реки, горы, леса. И мне кажется, что я шагаю по Земле. Шаги у меня большие, и мне ничего не стоит перешагнуть через горы и перейти вброд океан. Я иду по

разным странам, и пограничники пропускают меня, потому что я разговариваю на языке дружбы.

ПИСЬМО

ЕСЛИ ты не знаешь языка своих друзей, то, наверное, тебе очень трудно написать им письмо. На языке дружбы хорошо говорить, глядя друг другу в глаза. А как быть, если вас разделяют тысячи километров?

Я медленно поворачиваю глобус и вижу море, которое, как и все моря на глобусе, окрашено в голубой цвет. Но это море зовётся Чёрным. Я внимательно всматриваюсь и вижу волны, белокрылых чаек и большую зелёную гору, похожую на спящего медведя.

Эта гора так и называется Медведь-гора. А у её подножия находится пионерский лагерь Артек. В этот лагерь съезжаются ребята не только со всей нашей страны, но и со всего мира. Побывали здесь и китайские пионеры.

У них завязалась такая горячая дружба с нашими ребятами, что, когда пришла пора расставаться, маленькие китайцы загрустили. Прощаясь, они дали обещание писать письма в Артек.

Обещать-то они обещали, а когда дошло до этого дела, то китайским пионерам пришлось туго. Как написать советским ребятам? По-китайски? Так ведь никто не поймёт. Советские ребята в шко-

ле не изучают китайский язык, и китайские знаки — иероглифы — им непонятны. Что делать?

В Артеке много интересного. Всего даже не перечислишь. Но больше всего мне запомнилась одна грядка. Самая обычная грядка. Когда ребята показали мне её, они сказали:

— А вот это наше письмо.

— Как письмо? Это же грядка.

— Нет, письмо! — подтвердили ребята.

И они рассказали мне о китайских пионерах. Оказывается, после долгих раздумий, они всё же сумели написать письмо своим советским друзьям не на китайском языке, а на общепонятном языке дружбы, не иероглифами, а...

В один прекрасный день в Артек пришёл почтальон и принёс письмо из Китая. На большом конверте — китайские марки. Печати, штампы — всё как полагается. Ребята обступили почтальона и, не торопясь, надорвали конверт. Заглянули... а там никакого письма нет.

«Вот, — подумали они, — какие рассеянные наши китайские друзья. Письмо-то они написали, а в конверт вложить забыли его. Пустой конверт прислали!»

Ребята стали рассматривать конверт, крутить его в руках. И вдруг из конверта что-то посыпалось. Это оказались маленькие семена.

Что делать с этими буквами-семенами? Как заставить за-

говорить это необычное письмо?

И тут на помощь пришли юннаты. Они сказали:

— Давайте нам письмо из Китая, мы попробуем его прочесть.

А вскоре в Артеке появилась грядка, которую стали называть «нашим письмом».

Прошло время. Семена взошли. Грядка зазеленела. И тогда старый садовник сказал:

— А вы знаете, здесь посажены семена шестидесяти сортов различных цветов.

Наконец грядка-письмо зацвела. Каких только здесь не было цветов! Казалось, что это семицветная радуга опустилась на землю. Она лежала на грядке живая, трепещущая, ароматная.

И тогда советские пионеры смогли прочесть письмо своих китайских друзей. Письмо любви и дружбы. Письмо, которое было написано не карандашом, не чернилами и даже не китайской тушью.

ПОДАРЕННЫЙ ТРАКТОР

ВЫ слышали о шхуне «Гранма»? О той шхуне, которая вышла в море с погашенными огнями и на которой восемьдесят два молодых кубинца в открытом море произнесли грозные слова клятвы: «Мы будем свободными, или умрём мучениками».

Вы знаете о том, как восемьдесят два патриота вступили на кубинскую землю ненастной ночью, и о том, как ночь встретила их пулемётным огнём и в живых осталось только двенадцать? Они пробивались сквозь цепи солдат диктатора Батисты и ушли в горы Сьерра-Маэстра. И там они произнесли вторую клятву: не брить бороды до тех пор, пока Куба не станет свободной.

Вождём двенадцати бородачей был Фидель Кастро.

Так началась кубинская революция. А через два года в стране действовала целая повстанческая армия. Об этом вы все знаете.

Но я хочу рассказать вам о четырёх девочках, московских школьницах, которые далеко от Кубы поклялись помогать кубинской революции.

Они решили:

— Мы должны помочь Кубе, помочь Фиделю!

Сперва они хотели переплыть океан на резиновой лодке. И даже стали копить сахара. Они сами сочинили песню и пели её вчетвером:

*Была бы я мальчишкой,
Жила бы я на Кубе,
Дралась и сражалась в огне!
С Фиделем Кастро в разведку
ходила б.*

*Свободу кубинской земле!
Но я не мальчишка,
Живу не на Кубе,
А Кастро в Москве не живёт.
Но верю, что будет на Кубе
победа,
И счастье с победой придёт!*

Вскоре девочки поняли, что на резиновой лодке океан не очень-то переплывёшь и что можно помогать кубинской революции, не покидая Москвы.

Когда Фидель Кастро провозгласил лозунг: «Меньше линкольнов — больше тракторов!» — девочки решили: «Мы должны подарить Кубе трактор!»

Но где могут четыре девочки раздобыть трактор? На первый взгляд, это так же несбыточно, как путешествие за океан на резиновой лодке. Однако четыре подруги были не из тех, кто отступает от своих решений. Они начали собирать лом.

Юные сборщицы лома были не только хорошими работниками, но и отличными агитаторами. Они всем рассказывали о Фиделе и его товарищах и призывали помочь Кубе. И вот уже лом собирает весь класс, вся школа. И, наконец, в ряды сборщиков лома для покупки трактора Кубе встали все ребята Фрунзенского района Москвы. Ребята добывали средства на покупку трактора

разными путями: одни собирали лом, другие бумажную макулатуру, третьи летом работали в колхозе.

Их было четверо. Четыре ученицы 593-й школы: Наташа Корзунь, Наташа Панова, Галя Шкловская и Надя Зильберштейн. Они горячо полюбили далёкий остров революции и передали свою любовь сотням других ребят.

593-я школа расположена напротив американского посольства. И когда тысячи москвичей гневной демонстрацией направились туда, чтобы выразить своё возмущение американской интервенцией, над московской школой неожиданно взвился флаг революционной Кубы. А рядом с флагом появился плакат: «Куба победит!»

Это сделали четыре подруги со своими друзьями. А потом ребята подошли к ограде американского посольства. Наташа, самая высокая, стала развешивать маленькие кубинские флажки на ограду перед зданием посольства. В этот день Куба была особенно близка четырём подругам, словно их от «пылающего острова» отделял не океан, а очень небольшое расстояние.

Теперь по далёкой кубинской земле ходит много советских тракторов. Они пахут и собирают урожай.

Один из тракторов, хотя мало чем отличается от своих стальных собратьев, пользуется особым расположением у кубинцев. Сбоку у этого трактора привинчена небольшая металлическая дощечка. На ней написано, что этот трактор куплен на средства пионеров Фрунзенского района Москвы и подарен кубинскому народу.

Две Наташи сидят рядом со мной на парте и рассказывают о своих кубинских друзьях, и о своём тракторе, и о том, как они «заразили» всю школу своей любовью к революционной Кубе. А я внимательно слушаю их и думаю о том, как много значит настоящая дружба, пусть даже друзей разделяет океан. И как важна дружеская поддержка для тех, кто борется. И какое замечательное дело сделали эти девочки, которые раньше всех

решили подарить Кубе трактор и которые уже давно распевают песенку собственного сочинения:

*Была бы я мальчишкой,
Жила бы я на Кубе,
Дралась и сражалась в огне!
С Фиделем Кастро в разведку
ходила б.
Свободу кубинской земле!*

ГЛАЗА ДЕВУШКИ РОЗЫ

СОВЕТСКАЯ девушка Роза Шафигулина живёт в городе Томске. А на другом конце света, на другой половине земного шара живёт Генри Уинстон. Роза — белокожая, а Генри Уинстон — негр. Роза комсомолка, а Генри Уинстон коммунист. У Розы глаза, которые видят весь мир, а глаза Уинстона ничего не видят. В них поселилась вечная ночь. Выключены лампочки. Погашены звёзды. Солнце спрятано в тучах.

Американский коммунист — борец. И вся его жизнь — тяжёлый, неравный бой. Этот бой не кончился. Его очень трудно вести, когда у тебя нет глаз. Старый, ослепший в тюрьме коммунист не мог увидеть скромную советскую девушку, живущую в Томске. А она увидела его. Она увидела его своими удивительными тревожными глазами, в которых летают ласточки и плывут облака.

Это произошло 14 декабря 1961 года. Не знаю — поздно вечером, когда весь дом спал,

или ранним утром, Роза села за стол. Вывала из тетради листок бумаги и стала писать. И каждое слово, которое торопливо выводило перо, отражалось в её глазах. И они придавали словам силу.

«Дорогой Генри Уинстон!

Вы — настоящий коммунист! Я — обыкновенная советская девушка, студентка. Я живу для людей и поэтому предлагаю Вам свои глаза. Я молодая, мои глаза прекрасно видят. Вам они нужны для предстоящей борьбы. Вы должны дать согласие. Ответьте мне, и я приеду к Вам, где бы Вы ни находились...»

И уже в конце письма после подписи шла маленькая приписка: «Поверьте, я не боюсь операции».

О чём думала Роза, когда решилась навсегда расстаться со своими глазами — со своим большим разноцветным миром? Она дарила свои глаза не одному человеку, а миллионам простых трудовых людей, живущих за океаном. Она хотела разделить поровну на миллионы человек свет, который теплился в её золотистокарих глазах, похожих на два маленьких полушария. Ведь её отец не пожалел даже сердца, когда оно потребовалось его народу.

Вероятно, в день, когда было написано это короткое письмо, девушка советовалась с отцом. И её глаза, может быть, в последний раз увидели усталое лицо солдата и глаза, смотрящие не из-под бровей,

а прямо из-под каски. И, вероятно, она увидела, как отец одобрительно кивнул головой, хотя сделать это ему было невероятно трудно.

Вы слышали об американских бедняках, которые продают свои глаза богачам? Они делают это от полного отчаяния. Они меняют глаза на кусок хлеба. Отдают их людям, которых ненавидят.

Роза предлагала свои глаза не от отчаяния. Она отдавала их целому народу, как отдал свое сердце Данко.

Когда люди узнали о порыве девушки из Томска, то всем показалось, что это произошло в Будущем. Это подвиг ворвался в нашу жизнь из завтрашнего дня. Так будут поступать коммунары.

В ОДНОМ из подмосковных санаториев отдыхает и лечится старый борец-коммунист Генри Уинстон. Он попал сюда с другого полюса человеческой жизни. На том полюсе его лишили глаз. На этом полюсе его хотят сделать зрячим.

Он ходит по морозной скрипящей дорожке, протоптанной в снегу. Он чёрный, а снег белый. Но он не видит ни своих рук, ни морозного снега.

Как раненый воин, он с нетерпением ждёт поправки, чтобы вернуться к борьбе. Но медицина не любит, когда её торопят. И, значит, надо набраться терпения. Это тоже трудно — бороться со своим нетерпением.

В морозный зимний день, в канун Нового года Генри Уинстону вручили письмо. На конверте стояло имя автора письма — Роза Шафигулина — и обратный адрес — Томск. Ему прочитали письмо. Письмо было очень коротким, но оно перевернуло сердце коммуниста.

Несколько дней он не мог взяться за перо. Письмо, в котором незнакомая девушка написала: «Я живу для людей и поэтому предлагаю Вам свои глаза», вывело его из равновесия. В эти дни он вспоминал всю свою жизнь. Он как бы снова пережил её. И вдруг он понял, что это маленькое письмо — величайший документ истории. И этот документ подтверждает, что тысячи коммунистов не напрасно отдавали свои жизни, что он и его соратники во всём мире не даром прожили свою жизнь, если на земле появилась девушка с глазами, которые, как два маленьких полушария, охватывают весь мир и в которых горит вечная готовность жить для людей, отдать людям всё, что потребуется для их счастья.

Когда он сел писать ответ, то уже смог отличить темноту рук от белизны бумаги. Он писал Розе о своей жизни, о своей борьбе, о своих переживаниях. Он писал ей, как самому близкому человеку.

Вдруг он попробовал взглянуть на себя и на неё со стороны. И он написал:

«Советская девушка, счаст-

ливая и свободная, живущая в то время, когда началось практическое строительство коммунизма. Она предлагает свои глаза негру, потерявшему зрение в борьбе против угнетения и неравенства, в борьбе за социализм. Какой это прекрасный пример пролетарского интернационализма!»

СЛЕПОМУ бойцу предложили глаза. Это был подвиг. Старый коммунист отказался от величайшего блага — от зрения. Это тоже был подвиг. Он отказался от золотисто-карих глаз, похожих на два маленьких полушария. Но он принял великую веру, которую

передала ему девушка вместе со своим маленьким письмом. Он, слепой, вдруг увидел человека, во имя которого всю жизнь боролся и страдал.

Когда-нибудь они встретятся, и тогда будут сказаны слова, которые люди не доверяют даже письмам. И может стать, что к тому времени люди в белых халатах совершат свой подвиг — вернут зрение Генри Уинстону, отнятое у него на том полюсе человеческой жизни. И тогда он сможет увидеть её глаза, увидеть в них весь мир. И старый мир заиграет в её глазах новыми красками.

Иностранный юмор

В нашем селе так едят...

Давно это было. В одно село пришли на постой королевские солдаты. Один из них, самый дерзкий и большой забияка, поселился в доме спокойного, тихого крестьянина.

Когда все сели к столу, солдат вынул из ножен саблю и положил её рядом со

□
Румынская народная сказка

□
своей тарелкой. Увидев это, хозяин встал, принёс из хлева лопату и положил её рядом с саблей солдата на тарелку.

— Эй, приятель, что это значит? —

возмутился солдат.

— Ничего особенного! — ответил хозяин. — В нашем селе так едят: у кого большой нож, тому полагается и большая ложка!

Пристыжённый солдат молча вложил саблю в ножны, и с того дня больше не важничал.

По следам итальянских партизан

В составе советской делегации мне привелось побывать в нескольких городах Северной Италии. Северную Италию итальянцы с гордостью называют «красной», потому что здесь самые сильные коммунистические организации, а земля здесь обильно полита кровью борцов за свободу.

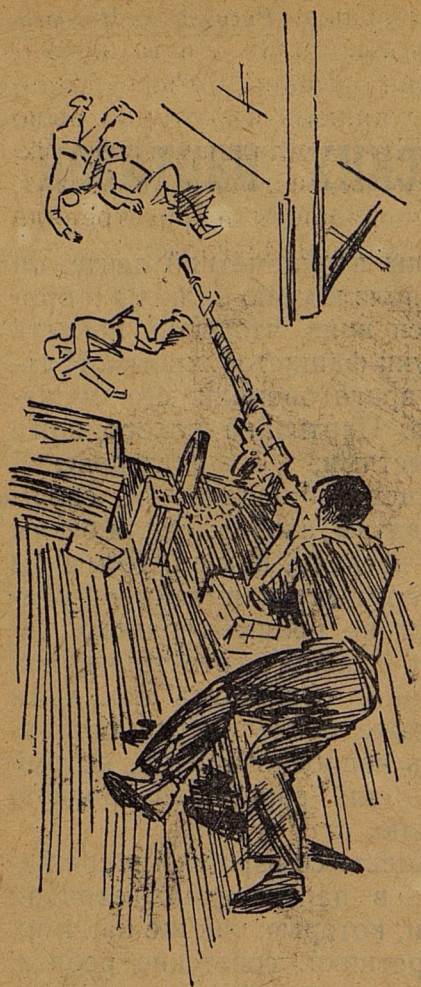
На горизонте в синей дымке тянулись Апеннины. Здесь в горах во время второй мировой войны сражались партизанские отряды. Фашисты боялись заходить высоко в горы, и партизаны были полными хозяевами Северной Италии. В горах были целые партизанские республики со своим управлением, своими порядками.

Легенды о героях-партизанах рассказывают до сих пор. Недалеко от маленького города Модены нам показали полуразрушенный дом с табличкой: «Здесь сражался герой Джино». Фамилии его не знают. Знают только, что он с товарищем оборонял радиостанцию. Джино ранило в обе ноги. Товарищ только успел сделать ему перевязку и подтащить к нему пулемет, как тут же упал, сраженный наповал. Джино остался один. В строю оставались руки и горячее сердце. Несколько часов он не подпускал фашистов к радиостанции. Когда кончились па-

троны в пулемётной ленте, он подполз к краю балкона и бросился вниз, чтобы не попасть в руки фашистов живым. И даже враги оценили его мужество. Партизана похоронили с почестями, а гитлеровский офицер, обращаясь к своим солдатам, сказал: «Если бы вы так воевали, как он, то мы бы давно выиграли войну». Фашист не понимал одного, самого главного, что такие, как Джино, сражались как львы и даже после смерти оставались непобеждёнными, потому что они защищали родную землю.

Вместе со взрослыми сражались в партизанских отрядах дети, которые, так же как и их сверстники, советские ребята, были связными партизанских отрядов и помогали отцам и братьям. В городе Реджо-Эмилио жила семья бродячих актеров Сарци (их театр и сейчас с успехом выступает в Италии и собирается приехать в Советский Союз). Отец — Отелло Сарци играл в пьесах Шекспира главных героев. Бутафорским деревянным мечом он поражал своих врагов, а потом вставал невредимый и раскланивался с публикой. Но когда пришли немцы, артист взял в руки настоящее оружие. Театр часто переезжал с места на место, и листовки,

написанные коммунистами, попадали во многие крестьянские дворы. Помогала партизанам и младшая дочь Сарци тринадцатилетняя Лючия. В первый раз, когда ее попросили доставить листовки в Болонью, Лючия потребовала, чтобы ей подарили за это куклу, если она благополучно выполнит поручение. Но когда девочка вернулась, она заявила, что никакая кукла ей не нужна и она хочет вступить в коммунистическую партию, потому что поняла, что она

уже не такая маленькая и может бороться с фашистами. Лючия стала замечательной партизанской связной. Как-то ее послали с пачкой газеты «Унита» в Парму. В газете рассказывалось о разгроме фашистов на Волге. Успехи русских вдохновляли итальянских партизан, и газеты ждали с нетерпением. Лючия приехала в Парму поздно ночью. Пачки газет были привязаны под юбкой и мешали ей быстро ходить. Она была толстая, как самовар. Но где переночевать? Идти к посторонним людям опасно и страшно не за себя, а за газеты. Тогда, поколебавшись немного, девочка пошла прямо в полицейское управление. Толстый усатый немец удивленно посмотрел на ночную гостью. Лючия, размазывая слезы и хныча, начала рассказывать историю о том, как она потеряла родителей и не знает, что делать дальше. Полицейский разрешил переночевать ей в управлении. А утром её и след простыл. Когда Лючия со смехом и с гордостью рассказывала об этом дома, старшая сестра накинулась на неё: «Ты что, с ума сошла? Нашла куда обратиться за помощью!» Но Лючия твердо сказала: «Это было самое безопасное место, ведь газеты охранял сам полицейский комиссар».

В горах Северной Италии воевало много военнопленных, бежавших из немецких лагерей смерти. Здесь сражалось около 300 русских солдат. Итальянцы до сих пор с вос-

хищением вспоминают об их беспримерной отваге. Это они принесли в горы любимую всеми песню «Катюша». Песню пели у партизанских костров русские, итальянцы, французы, чехи, югославы — все, кто сражался за свободу в горах Италии. «Катюша» стала самой любимой партизанской песней.

В Италии есть высшая награда — «Золотая медаль». Ею награждают самых отважных сыновей итальянского народа. И только один иностранец удостоен «Золотой медали», — это партизан Фёдор Поэтан. Никто не знает, откуда он родом. Только знают, что он русский и сражался как герой. Он похоронен на кладбище в Генуе.

Золотой медалью за участие в партизанской борьбе награждены в Италии целые города.

НА РОДИНЕ СЕМИ ГЕРОЕВ

Город Реджо-Эмилио тоже удостоен этой высокой награды. Здесь, как и во многих городах Италии, есть Стена Героев. На сером мраморе золотыми буквами высечены навеки имена тех, кто сражался с фашизмом. Но в Реджо-Эмилио есть одна особенность, дорогая сердцу каждого итальян-

ца. Среди героев семь раз повторяется одна и та же фамилия — Черви. Семеро братьев, старшему из которых было 42 года, а младшему всего 22, были партизанами. Их схватили фашисты и расстреляли в декабре 1943 года.

Кто же такие братья Черви? Кто воспитал их такими героями? Нам сказали, что отец героев Альчиде Черви живет недалеко от города Реджо-Эмилио. Он уже стар, ему 87 лет. Но он коммунист и продолжает борьбу за мир. Черви потерял семерых сыновей, но не остался один. Тысячи итальянцев называют его отцом. Его так и знают в Италии — как папашу Черви. К

нему за советом приезжают люди со всей Италии. Старый друг Черви товарищ Скъятти повёз нас на своей машине к отцу семерых героев. Шёл сильный дождь со снегом. С гор тянуло холодным ветром. И было очень странно смотреть, как снег падал на цветущие персиковые деревья. А вот, наконец, и дом Черви. Таких домов тысячи в Италии. Он покрыт красной черепицей, посередине разделён аркой на две половины. В одной живут хозяева, а в другой находится хлев, погреба и хранится разный хозяйственный инвентарь. По подворью бродят мокрые, взъерошенные куры. Обыкновенный крестьянский дом. Только серая стена у дороги останавливает взгляд прохожего. На ней надпись: «Здесь братья Черви осознали смысл своей жизни и здесь на этом дворе были взяты перед казнью». Сейчас к дому идёт аллея из семи молоденьких кипарисов. Их посадил папаша Черви после гибели сыновей. Семь кипарисов стоят в строю, как молодые парни. Девятнадцать лет назад на этом дворе дали последний бой герой-партизаны.

Погода в ту ночь была ветреная, без конца лил дождь. Братья Черви ночевали дома последний раз. Утром они должны были уйти в горы, потому что оставаться дома было опасно. Оружие — гранаты и пулемёты — уже было запаковано и спрятано в подвале, оставлены при себе только пиштолеты. Это была, конечно,

оплошность. Ночью фашисты окружили дом Черви. Они кричали: «Эй, Черви! Сдавайтесь!» В ответ раздались выстрелы. Перестрелка продолжалась несколько часов. Вдруг в небе заплескали огни факелов, бросаая в темноту зловещие отсветы. Это фашисты решили поджечь дом. Солома под навесом загорелась сразу же. Дом Черви пылал, как гигантский факел. Братья продолжали обороняться. Никто из них не думал сдаваться. Но ведь в доме находились женщины и дети, и, чтобы спасти их, старший Альдо предложил выйти во двор и продолжать бой возле дома. Силы были неравны. 150 «черных рубашек», как называли итальянцы фашистов, окружили горстку смельчаков. Они набросились на партизан и связали им руки. После этого фашисты начали грабить дом, празднуя победу. Пьяный чернорубашечник, размахивая недопитой бутылкой, подошел к старшему брату Черви. «Как чувствуешь себя, разбойник? Капут?» — «Я не разбойник, я — коммунист!» — гордо ответил Альдо Черви. Фашист ударил его по лицу и потащил к автобусу. Из-под арки дома вышел старый Альчиде Черви. Он подошел к фашистскому офицеру и твердым голосом резко сказал: «Я поеду со своими ребятами». Ничем не выдал Альчиде Черви своего волнения. Он выразил своих сыновей честными и гордился, что они выбрали путь борьбы. До последней минуты он был вместе с ними.

Весть об аресте братьев Черви быстро облетела окрестности. В ответ на это через несколько дней партизаны привели в исполнение смертный приговор над секретарем фашистской партии. Собравшись у гроба убитого, фашисты поклялись отплатить. «Десять за одного!» — кричали они. Стали читать списки заключенных в тюрьме, и кто-то из предателей подсказал: надо расстрелять братьев Черви. И под утро 28 декабря 1943 года их не стало. Старик Черви находился с сыновьями в одной

тюрьме, но он ничего не знал о их гибели. Спустя два месяца во время налёта авиации в тюрьму попала бомба и заключённым удалось бежать. Среди них был и старик Черви. И только тут он узнал о страшном горе, постигшем его. Пешком двадцать километров шёл он под снегом в свой разорённый дом. Но горе не сломило старика. Он ушел в горы к партизанам и здесь вступил в коммунистическую партию. Партизаны сложили песню о братьях-героях. Её пели перед боем, собравшись у костров.

Пришёл час атаки.

Красное знамя развёрнуто.

Мы клянёмся:

Или умрём или добудем

свободу. . .

Братья Черви, братья Черви,

Ваша смерть — призыв

к борьбе!

Партизанский отряд носил имя братьев Черви, и фашисты боялись его как огня.

И вот он перед нами, Альчиде Черви, герой и отец ге-

роев. Маленький, худой старик с седым ёжиком взъерошенных волос. Когда он увидел нас, глаза его заблестели. Папаша Черви вскинул над головой сжатую в кулак руку: «Салютти! Салютти!» Это приветствие партизан-коммунистов. В маленькой комнате рядом с портретами его сыновей — портрет Тольятти — вождя итальянских коммунистов, и на самом почётном месте барельеф Ленина. Мы рассматриваем дорогие реликвии.

На столе стоит фотография пожилой женщины. Она снята с белоголовым мальчугом. Лица русские. Спрашиваем: кто это? И папаша Черви рассказал нам интересную историю. Несколько лет назад он был в Советском Союзе. Однажды в подмосковной деревушке он встретил мальчика Витю. Черви подошел к нему и начал расспрашивать, как он живет, как учится. Рас-

сказал, что у него было семь таких, как Витя, — сыновей. Но их всех расстреляли фашисты. Витя слушал и хмурился. А бабушка Вити, которая тоже потеряла на войне мужа и сыновей, слушая рассказ итальянского крестьянина, вытирала слёзы кончиком платка. В память об этой встрече она и прислала папаше Черви эту фотографию, где снялась вместе с внуком. Черви в подарок своим русским друзьям отправил несколько головок сыру собственного изготовления. И тогда Витя решил сделать старику Черви самый дорогой подарок — он прислал ему двух своих лучших голубей. Белый голубь и голубка совершили путешествие из Подмосковья в далекую Италию и поселились в доме Черви, как вестники мира и дружбы. Сейчас у них уже многочисленное потомство. Белые, серые голуби, которые родились уже в Италии, бродят по двору, где когда-то сражались братья Черви. Папаша Черви очень дорожит ими и особенно бережёт голубку, оставшуюся в живых. Он часто берёт ее в руки и мозолистым крестьянским пальцем осторожно гладит вздрагивающую головку птицы.

У старика Черви большая семья. Одиннадцать внуков и много правнуков. Внуки уже выросли и стали коммунистами и комсомольцами.

Пока мы беседовали, вбежал восьмилетний правнук Нино. Он очень смущался и поджимал губы. Оказывается,

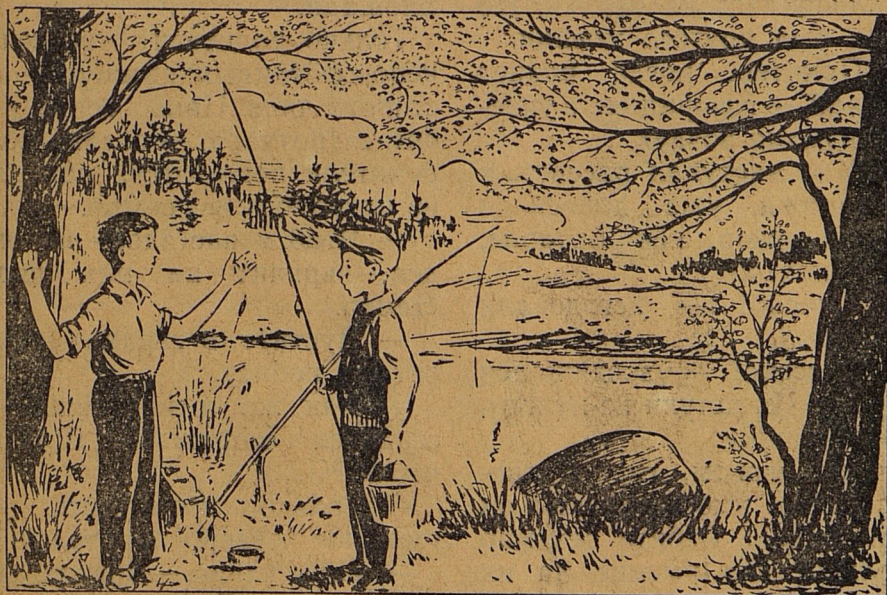
у Нино выпали передние зубы, и он очень этого стеснялся. Но когда Нино увидел значок с фотографией Гагарина, да еще узнал, что этот значок теперь принадлежит ему, он забыл обо всём и улыбнулся во весь рот, а потом нетерпеливо запрыгал на одной ноге и наконец умчался на улицу, чтобы показать драгоценный подарок товарищам. Слышно было из окна, как он кричал: «Гагарин, Гагарин!» И потом в ответ ему раздалось много голосов, и долго еще шумели под окном горластые черноглазые

итальянские мальчишки. Старик Черви с улыбкой слушал их крики и сказал: «У меня погибли семь сыновей. От ствола отрубили ветви. Но вот подросли новые молодые побеги. И дерево живет, потому что у него крепкие корни в родной земле. Эти ребята будут хорошей сменой погибшим. И сейчас я думаю об одном — чтобы никогда не было войны, чтобы все дети в мире могли жить и расти спокойно. Вот мое главное желание в жизни!»

Вот какая щука!

(Загадочная картинка А. Илючека)

А где же щука?

Первая космическая

Улица пахла бензином, нефтью и разными маслами. Безошибочно их распознавали только шофёры да приятели Зарко. Совсем недавно здесь, на этой улице, построили гараж, и все удивлялись, как это архитекторы не подумали о том, что улица, где должны разворачиваться автомашины, слишком узкая.

— Правильно сделали, — одобрительно кивал головой Коце. — Только так и можно узнать, кто умеет водить машину по-настоящему, а кто — нет.

Вокруг высились огромные жилые дома, и люди постоянно жаловались на запахи. Но Добри был другого мнения.

— Приятно, когда пахнет техникой, — говорил он, с упоением вдыхая воздух.

Ещё не наступал рассвет, а из гаража уже доносился громкий говор, рёв моторов, стук молотков.

— Ужасно! — негодовали взрослые.

— Чудесно! — восхищался Ванчо. — Ни петухи не нужны, ни будильники.

Одним словом, гараж прекрасен! Как много вмещает он автомобилей! Ребята безумно довольны, что именно на их улице выстроен этот большой двухэтажный гараж. Целыми

днями они просиживают на противоположной стороне улицы, на тротуаре. Они знают марки и номера машин из своего гаража и часто ждут их до вечера, пока те не вернутся из рейса. И если случится встретить в городе знакомый номер, они с гордостью кричат на всю улицу:

— Наш! Наш!

Бывает, что шофёр приветливо махнёт рукой, и тогда их радости нет предела.

Большинство шофёров грузовых машин — добрые, весёлые люди, они знают своих поклонников и нередко тайком прокатят их до ближайшей площади.

Только водители огромных, неповоротливых автобусов да сторож дядя Цанко гонят ребят с тротуара, — и так, мол, родители волнуются, как бы не случилось несчастья.

— Чтоб я вас здесь не видел, — кричит на них дядя Цанко.

— Пустите в гараж, — просят его ребята.

— Как же я вас пушу? — сердится сторож. — Шутки, что ли?

— Только посмотреть, — умоляют четверо приятелей.

— Ишь какие, — ворчит дядя Цанко. — Я их с тротуара гоню, а они норовят в гараж

проникнуть. — И вдруг повышает голос: — А ну, марш отсюда!

Обиженные, огорчённые расходятся они по домам.

Но проходит час-другой, и приятели снова появляются на тротуаре.

— Вот задавят кого-нибудь — будете знать, — грозит дядя Цанко, и его худое лицо под форменной фуражкой хмурится.

Подобные разговоры со сторожем ведутся почти каждый день. Но длятся они недолго. Вот из гаража появляется тупая морда автобуса. Дядя Цанко, встревоженный и вместе с тем важный, смешно подпрыгивая на тонких ногах, начинает жестикулировать руками, помогая шофёру вывести машину. Мотор грозно рычит, ребята отскакивают к стене и оттуда наблюдают за действиями шофёра. Они знают: автобус будет долго маневрировать, прежде чем выберется на улицу. Шофёр энергично крутит баранку, поворачивая колёса то влево, то вправо, рывком толкает длинный автобус вперёд, тормозит и выводит, наконец, машину на улицу.

— Порядок! — дядя Цанко удовлетворённо потирает руки и, бросив торжествующий взгляд на мальчишек, скрывается в своей крохотной будочке, над которой днём и ночью светится яркая надпись: «Внимание, гараж!»

Маневрирование — дело сложное, и четверо приятелей убеждены, что владеть этим

искусством могут только шофёры грузовых машин и многоместных автобусов.

— Наши автобусы шестьдесят пассажиров могут забрать, а то и больше, — говорит Зарко.

— Могут-то могут, да только медленно они ходят, — морщит нос худой, но шустрый Коце.

Зарко смотрит на его длинные, быстрые ноги и не находит, что ответить.

— Самое главное, что они мощные, — вмешивается в разговор Добри и, глубоко вздохнув, добавляет: — Мощные, как...

— Как черепахи! — ехидно прерывает его Коце. — Куда им тягаться с быстроходными легковыми.

— Ещё бы не быстроходные, если возят по три человека, — ворчит Добри.

— И те, и другие — таратайки! — бросает Ванчо. — Вот я придумал автомобиль, так это да! С пятью скоростями! Не верите, спросите Зарко!

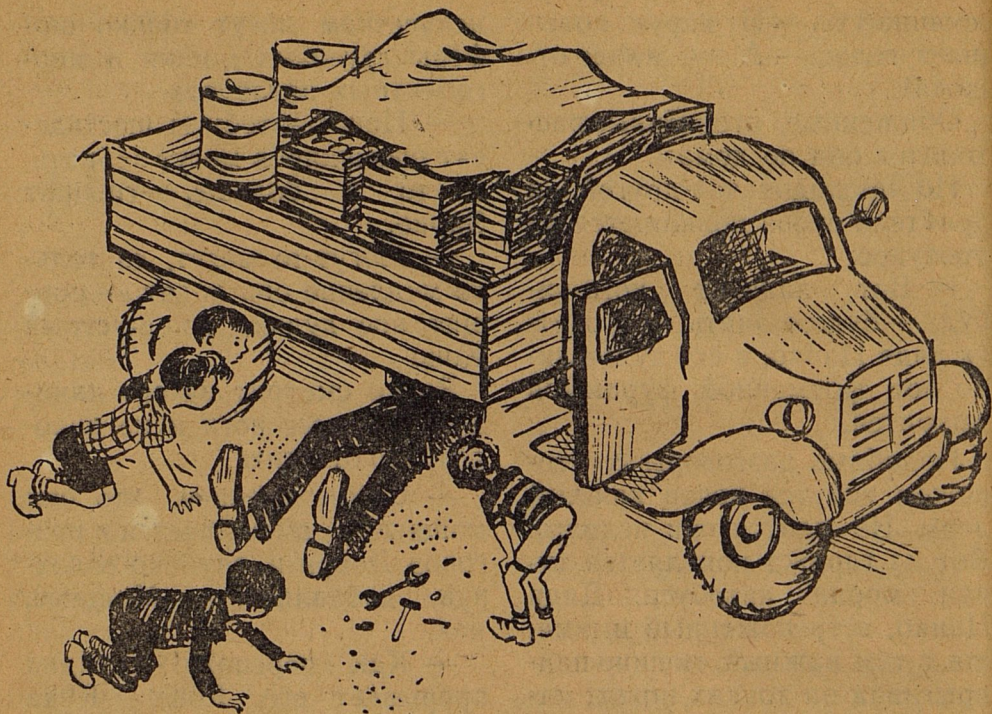
— Ха, выдумываешь! — ухмыляется Добри, но Зарко толкает его локтем:

— Не смейся! С пятью и одной сверхскоростью — первой космической!

— Первой космической... — мечтательно произносит Коце, и все четверо умолкают, пытаясь мысленно представить скорость, с которой летают только ракеты.

Едва машины с шумом и рёвом покинут гараж и улица опустеет, ребята начинают свою игру в автомобили. Зар-

ко перекидывает через шею Добри верёвку, протягивает её под мышками Коце и Ванчо, захватывает концы, и все четверо разом бросаются вперёд. Это походит на известную игру «в лошадки» и вместе с тем отличается от неё. Только верёвка продевается таким же образом. И бег тот же. Но трое передних не кони, а моторы, и не фыркают, а ревут. И Зарко, который бежит позади всех, не кучер, а шофёр. Он управляет не вожжами, а рулём, педалями, рычагами, с их помощью он меняет скорость, делает повороты, трогается с места, тормозит. Один только недостаток имеют послушные безупречные моторы: чтобы сменить скорость или направление, Зарко вынужден поль-

зоваться не педалями и рычагами, а голосом.

Средний мотор, Добри, — самый неповоротливый, но зато сильный и наиболее послушный; левый, Коце, не имеет себе равных в скорости, и всегда мчится впереди других; только Ванчо не очень хорошо слушается шофёра: останавливается, когда захочет, тянет в сторону, а иногда вдруг неожиданно бросается вперёд, стремясь развить «первую космическую».

От такой скорости Добри пыхтит, как паровоз, и так распаляется, что остальным становится жарко. Поэтому ребята договорились — с такой скоростью проноситься только мимо гаража. Едва приблизятся, Зарко, быстро

сменив «четвертую» скорость на «пятую», включает «первую космическую», моторы громко режут, и «машина» стремительно проносится по асфальту мимо гаража.

Испуганный и встревоженный, дядя Цанко выскакивает из своей будки, кричит на ребят, а те уже скрываются за углом.

Так повторялось почти каждый день, и не известно, до каких пор продолжалось бы, не случись однажды утром неожиданное.

В тот день «моторы» вместе с водителем, как обычно, сидели на тротуаре. Потом они решили поиграть в автомобили. Зарко опоясал приятелей верёвкой, и они устремились вперёд. Обогнув угол, побежали к гаражу. Но едва Зарко успел крикнуть: «Первая космическая», как из полутемного тоннеля гаража выползло округлое туловище светло-синего автобуса с блестящим, отлакированным кузовом. Шофёр выводил машину задним ходом.

Дядя Цанко, стоя посреди улицы, подавал знаки шофёру.

Когда Зарко и его приятели выскочили из-за поворота, старик побледнел, хотел крикнуть, но язык его будто отсох, и он только беспомощно замахал руками.

Думая, что путь свободен, шофёр дал газ, и как раз в этот момент налетели ребята. Коце, бежавший впереди, так и нырнул под кузов. Вслед за ним, обессилевший от быстрого бега, упал Добри. Зарко,

вскрикнув от неожиданности, бросился на выручку друзей. Только Ванчо, отскочив в сторону, сорвал с шеи верёвку и бросился бежать.

Услышав крик, шофёр мгновенно нажал на тормоза, и машина остановилась. Тоннель, ведущий в гараж, был очень узкий, шофёр не мог даже открыть дверцу кабины. Опустив стекло, он раздражённым голосом крикнул:

— Что там случилось?

Ему никто не ответил.

— Что случилось, дядя Цанко? — повторил он вопрос, заглушив мотор, и только тогда услышал дрожащий голос сторожа, кого-то умолявший:

— Ребята, слышите, ребятки, не шутите!

Испачканные и исцарапанные, в разодранных рубашках, с разбитыми носами, ребята недвижимо лежали под машиной. Они видели чёрные потёртые покрышки колёс, остановившихся в полуметре от них, хмурое, бледное лицо дяди Цанко и боялись пошевелиться.

— Детки, вставляйте потихоньку, — уговаривал он ребят.

Чувствуя, что произошло нечто неожиданное, шофёр изо всех сил стучал ладонью о заднее стекло и во всё горло орал, пытаясь выяснить, что же всё-таки случилось.

Наконец, Зарко пошевелился и, поняв, что с ним ничего страшного не произошло, оглядел друзей.

— Влипли, — прошептал Добри и указал взглядом на

Коце, который лежал с закрытыми глазами, запрокинув голову.

— Коце! — тихо позвал Зарко.

— Ммм, — выдавил Коце и открыл глаза.

Лица друзей посветлели.

— Жив?

Коце слёгка кивнул головой.

— Как быть? — прошептал Зарко и взглянул через плечо на дядю Цанко. — Что теперь делать?

Шофёр, сидя в автобусе, бушевал, и ребята отлично понимали его.

— Вылезем, — предложил Добри, — и бежать!

Коце стал на колени и хотел было уже вылезать, но Зарко удержал его. Высунув из-под автобуса голову, он посмотрел в глаза встревоженного сторожа.

— Дядя Цанко, мы вылезаем!

— Давайте, только осторожно, — обрадованно проговорил он.

— Но... — Зарко запнулся на секунду. Потом осмелев, спросил: — А в гараж нас пустите?

— Конечно пушу, как же иначе! Только вылезайте!

— А Ванчо пустите?

— Какого Ванчо?

— Правый мотор!

Дядя Цанко заморгал гла-

зами и, хотя ничего не понял, пообещал:

— И Ванчо пушу! Кого хотите! Только больше не шалите! С ума вы меня сведёте!

Разозлённый до предела, шофёр снова включил мотор, дал газ, и машина затряслась.

— Вылезайте, — крикнул Зарко.

Все трое быстро выскочили из-под машины. Из-за угла выбежал Ванчо с веревкой в руке.

Дядя Цанко, оглядев пострадавших, ласково предложил:

— Идёмте, там, в будке, есть аптечка: йод, марля.

Увидя пострадавших, шофёр удивлённо заморгал глазами, его лицо приняло свирепое выражение. Но дядя Цанко обнял друзей и повел их в гараж. У входа Ванчо остановился.

— Пошли, — подтолкнул его Зарко.

Ванчо покачал головой:

— Терпеть не могу йод.

— Что? — удивился Зарко. — Не хочешь...

Ванчо потянул натиравший шею воротник, Коце усмехнулся, а Добри, презрительно взглянув на своего не пострадавшего друга, сквозь зубы процедил:

— Эх ты, первая космическая!

Перевел с болгарского А. АГАПОВ

Поляна Трёх Берёз

(ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ)

«За три Полезных Дела, сделанных в один день, — «Три раза — хорошо» — даётся звание «Победитель» и право разбить палатку в любом месте на расстоянии километра от лагеря и провести в ней 24 часа; варить картошку в походном котелке, спать на охотничьей постели из еловых веток. Можно позвать к себе друзей — кого захочешь, пусть даже пионеров-инструкторов, — никто не откажется прийти в гости к победителям».

(Из Правил пионерского лагеря)

РАЗВЕДЧИКИ

Лёвка старше Клима, но он обжора, трус и лентяй. Он даже не хочет стелить свою постель, хотя Второй закон лагеря гласит: «Обходись без нянек, делай всё сам». Разве с таким можно ходить на разведку Полезных Дел?

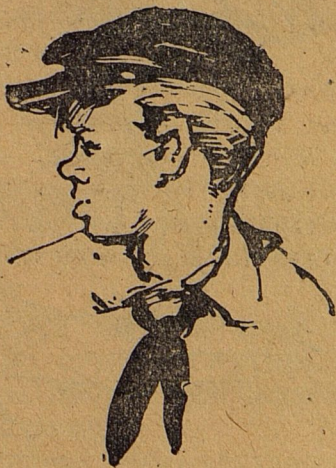
А во всём виноват помощник вожатого — Володя Ковальчук. На совете лагеря Володя сказал:

— Клим Горелов и Лёва Ситников постоянно ссорятся. Надо положить этому конец. Местность у нас хороша разведана, и пионерам разрешено свободно передвигаться вокруг лагеря — от Щучьего залива к поляне Трёх Берёз и мимо колхозной птицефермы до шоссе. Предлагаю:

пусть Лёва и Клим патрулируют вместе и отвечают друг за друга.

— А вдруг на нас нападёт какой-нибудь волк? Что тогда? — спросил Лёвка.

Все засмеялись. А горнист Валька Спицын сказал:

— Эх ты!.. Во-первых, здесь нет никаких зверей. А во-вторых, если понадобится помощь — привяжи свой красный галстук к какому-нибудь пруту и взмахни три раза. В лагере на Сторожевой вышке сразу заметят.

А барабанщик Витька Атаманов важно добавил:

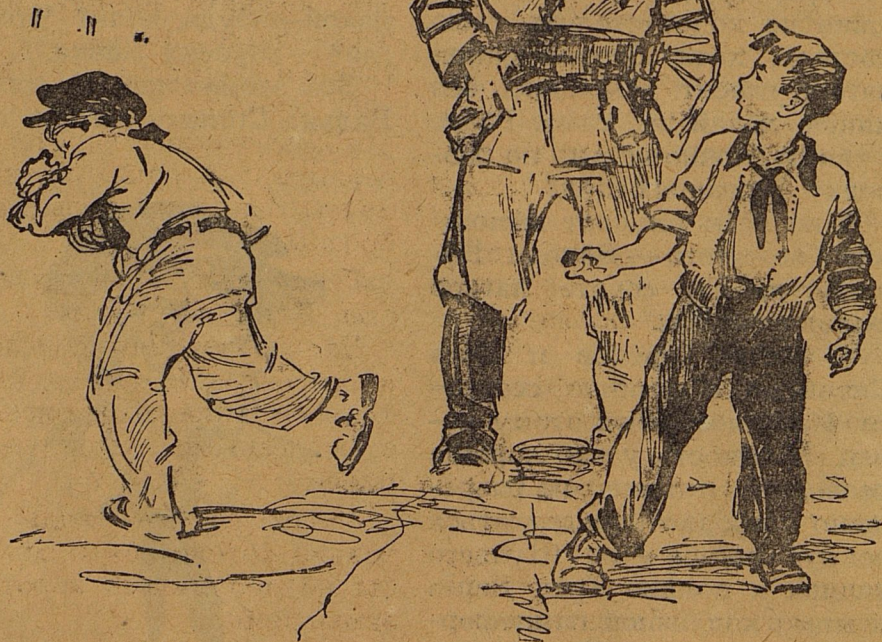
— И сразу же Летучий отряд под командой Володи Ковальчука выйдет к вам на подмогу. — И Витька громко ударил палочками по своему барабану.

На этом совет лагеря окончился.

Так Лёвка Ситников и Клим Горелов стали разведчиками Полезных Дел.

В ПАТРУЛЬНОМ ДОЗОРЕ

Неподалёку от Щучьего залива, на поляне Трёх Берёз, Клим облюбовал одно место.

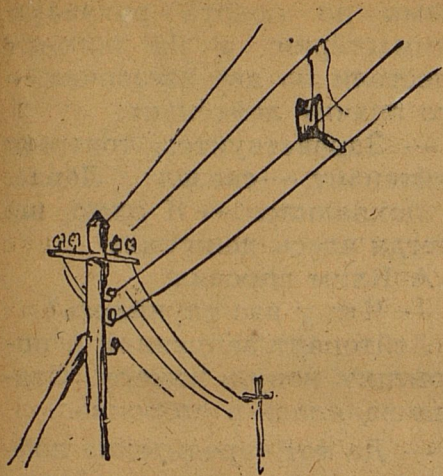

Тут разобьёт он свою палатку... Он уже знает, что вход в палатку должен быть с южной стороны — чтобы кусты защищали от ветра; столбики должны стоять косо, вбитые в землю по всем правилам Восьмого умения, а верёвки крепко натянуты...

Только Клим пока никому не говорит об этом. Кто же поверит, что он, самый младший в лагере, может выполнить задание «Три раза — хорошо»?

Ах, если бы в разведку с Климом ходил не Лёвка Ситников! Пусть лучше — любая

девчонка! Ну, посудите сами, — окончился завтрак, надо собираться в патрульный дозор, а Лёвка куда-то спрятался!

Клим обежал весь лагерь, прежде чем нашёл Лёвку. Тот сидел в кустах сирени позади столовой и разбивал камнями косточки от компота.

— За завтраком, что ли, не наелся? — сердито спросил Клим. — Пошли в разведку.

Лёвка лениво поднялся. Клим решительно скомандовал:

— Я буду смотреть направо, а ты налево. Если что увидишь, сразу докладывай. Пошли!

Было ещё по-утреннему прохладно. Пахло свежим сеном и хвоей. В кустах галдели и распевали птицы, над головой звенели всякие мошки, протяжно гудели телефонные провода. На проводах висела, обвязанная верёвкой, ржавая консервная

банка и тихонько раскачивалась.

А если подует сильный ветер? Ясно, банка сделает короткое замыкание, и никто не сможет дозвониться по телефону в колхоз. Надо снять банку. Но как?

Мальчики стояли задрав головы. Клим соображал:

«В требованиях первой ступени сказано: умей попадать мячом в цель. Но за мячом нужно бежать в лагерь. А зря, что ли, Володя Ковальчук учил сбивать камнями шишки?..»

— Лёвка, собирай камешки, живо!

Камней удалось найти немного — всего два голяка и несколько обломков кирпича. Зато сучков и палок набрался целый ворох. Мальчики принялись сбивать банку, но это оказалось совсем не просто! Одно дело — сшибать камнями шишки, их на дереве полно, не ту, так другую зацепишь. А тут всего одна банка...

— Вы что же творите, бездельники? А ещё — пионеры. Зачем банку на провода забросили?

Лёвка сразу прыгнул в кусты. Клим обернулся.

На дорожке стоял человек в брезентовой куртке, перетянутой широким поясом, и с железными кошками на плече.

— Это не мы, дядя. Мы только хотели сбить её, чтобы не получилось короткого замыкания.

Человек внимательно по-

смотрел на Клима, засмеялся и похлопал его по спине.

— Тогда — другое дело. Только так разве собьёшь? Скорее всего провода оборвёте.

Он бросил кошки на траву, достал из кожаной сумки нож и ушёл в заросли кустарника.

На дорожку выполз Лёвка.

— Иди, не бойся, — позвал Клим. — Смотри-ка. Давай примерим.

Мальчики стали разглядывать и ощупывать кошки, попробовали их надеть.

— Я, когда вырасту, буду монтером. Мне выдадут такие же, — сказал Клим.

Монтер вернулся. В руках у него был длинный гибкий прут наподобие удилица. Монтер ловко подцепил банку этим прутом и снял её с проводов, а прут отдал мальчикам.

— Возьмите, пригодится для рыбалки.

Ребята шли и смотрели вверх. Пусть только попадётся ещё одна банка, теперь есть чем снять её.

Но банок больше не попадалось, а провода уходили всё дальше. Вот они вывели на шоссе, смешались с другими проводами и потянулись над асфальтовой лентой к городу.

ЗОЛОТНИК И КОЛПАЧОК

На обочине дороги стоял мотоцикл — синий с красным. Заднее колесо было снято; перед ним сидел на корточках милиционер с закатан-

ными по локоть рукавами гимнастёрки; а на погонах блестели по две звёздочки — это значит лейтенант.

— Здравствуйте, товарищ лейтенант, — сказал Лёвка. И похвалился: — Я знаю, вы всегда здесь дежурите.

А Клим спросил:

— Что у вас случилось?

Лейтенант заправлял в покрышку новую камеру. Старая валялась в сторонке.

— Да вот «вредителя» поймал. — Он показал ребятам острый гвоздик. — На шоссе валялся, а я наехал.

Потом он вынул из коляски мотоцикла насос. Мальчики протянули руки:

— Давайте мы покачаем.

— Ну покачайте. Только я сначала заверну золотник. Видите, пружинка с провололочкой. А вот колпачок с двумя усиками; этими усиками я заворачиваю золотник в вентиль камеры. Вот так. Теперь можно накачивать, воздух не выйдет.

Мальчики взялись за дело, а лейтенант расстегнул ворот гимнастёрки, обтёр носовым платком лицо и шею, потом присел на край канавы и закурил.

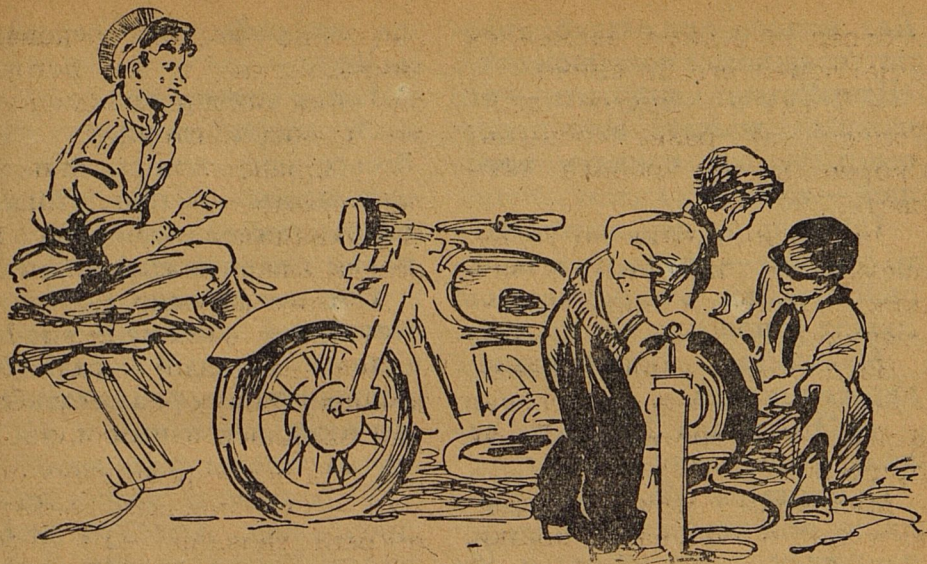
А глаза у него всё видят. Вот мимо несётся грузовик; лейтенант погрозил пальцем водителю, и тот поехал тише.

Клим шепнул Лёвке:

— Я, когда вырасту, буду автоинспектором. И мне дадут мотоцикл с коляской.

Сначала показалось, что качать «напеременку» — по десяти раз каждый — легко:

не успеваешь устать. Но постепенно становилось всё труднее давить на ручку насоса, а потом и вовсе пришлось качать вместе.

Тогда лейтенант сменил мальчиков. Он качнул ещё раз тридцать, а после ударил молотком по крышке так, что она зазвенела.

— Ну вот, работа закончена. Завёртывайте колпачок на вентиль. — Он снова обтёр платком лицо. — Видите, ребята, один маленький гвоздик, а сколько труда пришлось затратить нам троим. Спасибо за помощь.

Клим подумал немножко и предложил:

— Давай, Лёвка, будем подбирать на дороге гвоздики и всякие там стекляшки, чтобы шофёры не прокалывали колёса.

Но лейтенант сделал строгое лицо.

— Ни в коем случае, —

сказал он. — Вчера подвыпивший водитель сбил девочку. Держитесь подальше от шоссе.

Делать нечего — нельзя так нельзя. Пришлось уходить. Слушаться взрослых — это Первый закон пионерского лагеря.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

По дороге к лесу Лёвка спросил:

— Как думаешь, засчитают нам хотя бы одно «хорошо»? Мотоцикл-то мы починили.

— Почини-и-или, — передразнил Клим. — Качнули сколько-то раз, и то не до конца. Надо сделать что-то настоящее.

Но что? Клим задумался, глядя, как Лёвка сшибает удилицем головки одуванчиков... Банка тоже не считается: ведь её снял монтер.

Да, видно, правильно говорит старшая пионервожатая: «Навредить, напортить — это каждый может, это проще всего. А вот сделать хорошее — куда труднее».

Поодаль за деревьями что-то ухнуло — глухо, как большой барабан. Эхо подхватило грохот и понесло его по лесу.

Мальчики остановились, переглянулись.

— Это возле Щучьего залива, — определил Лёвка.

Схватив за оба конца удилще, они помчались к озеру напрямик через кусты и овражки.

Бежали долго. Путь был нелёгкий. Ветки ольшаника хлестали по груди, крапива обжигала ноги, а, когда поднимались в гору, тапочки скользили по сухим сосновым иглам.

— Не тормози, толстяк! — кричал на ходу Клим и тянул за удилще Лёвку, как на буксире.

Но вот, наконец, и озеро. Берег оказался безлюдным. На воде тоже — никого. Только в маленьком Щучьем заливе, на лёгкой ряби качались белыми брюшками вверх несколько дохлых рыбёшек.

— Здесь кто-то глушил рыбу, — догадался Лёвка.

Мальчики вошли по колени в воду. Теперь они увидели множество мёртвых мальков; в каждой зачерпнутой горстке воды они попадались густо, как снетки в супе.

Кто же погубил столько мальков? Ведь из них вырос-

ла бы рыба. Вот бессовестный!

Клим осмотрелся.

От озера тянулись следы босых ног; теперь они уже заполнены проступившей сквозь песок водой, но отпечатки пальцев ещё видны.

Вот когда надо применить Четвёртое умение — «Зоркий глаз»: каждый разведчик должен уметь различать следы птиц, животных и, уж конечно, следы человека...

У большого камня следы прервались. Ага! Тут он одевался! Ну да, камень ещё не успел просохнуть. А вот на тропинке горелая спичка, — наверно, он закуривал. Тропинка ведёт к поляне Трёх Берёз. Скорее туда!

И снова, держась за удилще, мальчики бегут по лесу.

Сейчас надо быть осторожнее: из-за любого дерева может появиться враг, — и в то же время не мешкать: враг может скрыться. Надо выследить его и сообщить колхозникам. Пусть-ка объяснит им, зачем погубил столько рыбы!

Внезапно Клим бросился на землю. Лёвка, отдуваясь, остановился.

Клим отполз за кусты и поманил к себе Лёвку.

— Ты что?.. — испуганно спросил тот.

— Тс-с-с!.. Смотри...

ПРОШУ ПОМОЩИ!

Сквозь кусты хорошо видна поляна. На ней стоит синяя «Волга»; под задним ко-

лесом «Волги» примята молоденькая берёзка — одна из тех трёх, между которыми Клим мечтал разбить свою палатку...

А вот и хозяин машины — полный широкоплечий мужчина в клетчатой рубашке и белых брюках — присел на корточки возле багажника и завёртывает в клеёнку двух больших щук. Дверцы машины открыты, рядом на траве — коврик, на нем бутылка, бутерброды.

Левка облизнулся.

— Гляди, с колбасой.

Клим провёл языком по губам. Ему тоже хотелось есть. Но разве сейчас время об этом думать?..

— Лежи тихо и наблюдай. Я быстро...

Он взял удилице, отполз подальше и побежал, стараясь не наступать на сухие ветки.

На вершине холма, поросшего редкими молодыми сосенками, Клим остановился. Отсюда видна Сторожевая вышка пионерского лагеря; высоко в небе полощется на ветру флаг.

Клим привязал к удилице свой галстук и поднял его над деревцами.

Неужели не заметят?.. Нет, заметили!

Над Сторожевой вышкой взлетела красная точка и застыла пониже флага. Клим взмахнул своим галстуком три раза: «Прощу помощи». Красная точка на Сторожевой вышке повторила это движение, — сигнал принят.

Пробираясь назад к поляне Трёх Берёз, Клим уже не так волновался. Сейчас Летучий отряд под командой Володи Ковальчука выйдет по указанному направлению. Надо спокойно ждать.

Спокойно? Как бы не так!

Пока Клим бегал на холм, обстановка на поляне изменилась: коврика на траве уже нет, дверки у «Волги» закрыты, мотор тихонько ворчит, а мужчина сидит за рулём.

— Сейчас он уедет! Лёвка, что делать?..

Лёвка не знает.

Клим с тоской смотрит на примятую берёзку, её тонкий ствол согнулся под задним колесом; оно совсем близко от мальчиков, и на нём — вентиль с колпачком, точно такой же, как на мотоцикле лейтенанта, — с двумя усиками...

Клим подполз к колесу, руки, словно сами собой, раздвинули кусты, потянулись к колпачку...

С трудом, так что на одном пальце даже сломался ноготь, Клим отвернул колпачок. Усики вошли сразу, куда им положено, — поворот, второй, третий, четвертый... «Жж-ж-ж-ж-ж-ж...» — золотник пулей вылетел наружу, воздух со свистом и шипением вырвался из вентиля. «Волга» скособочилась, осела на одну сторону.

Лёвка, как ужаленный, вскочил на ноги, стремглав пустился по тропинке.

Вслед ему понеслась ру-

гань. Мужчина грозил кулаками, чертыхался, кричал:

— Вот я покажу тебе, бездельник!..

Клим остался на месте.

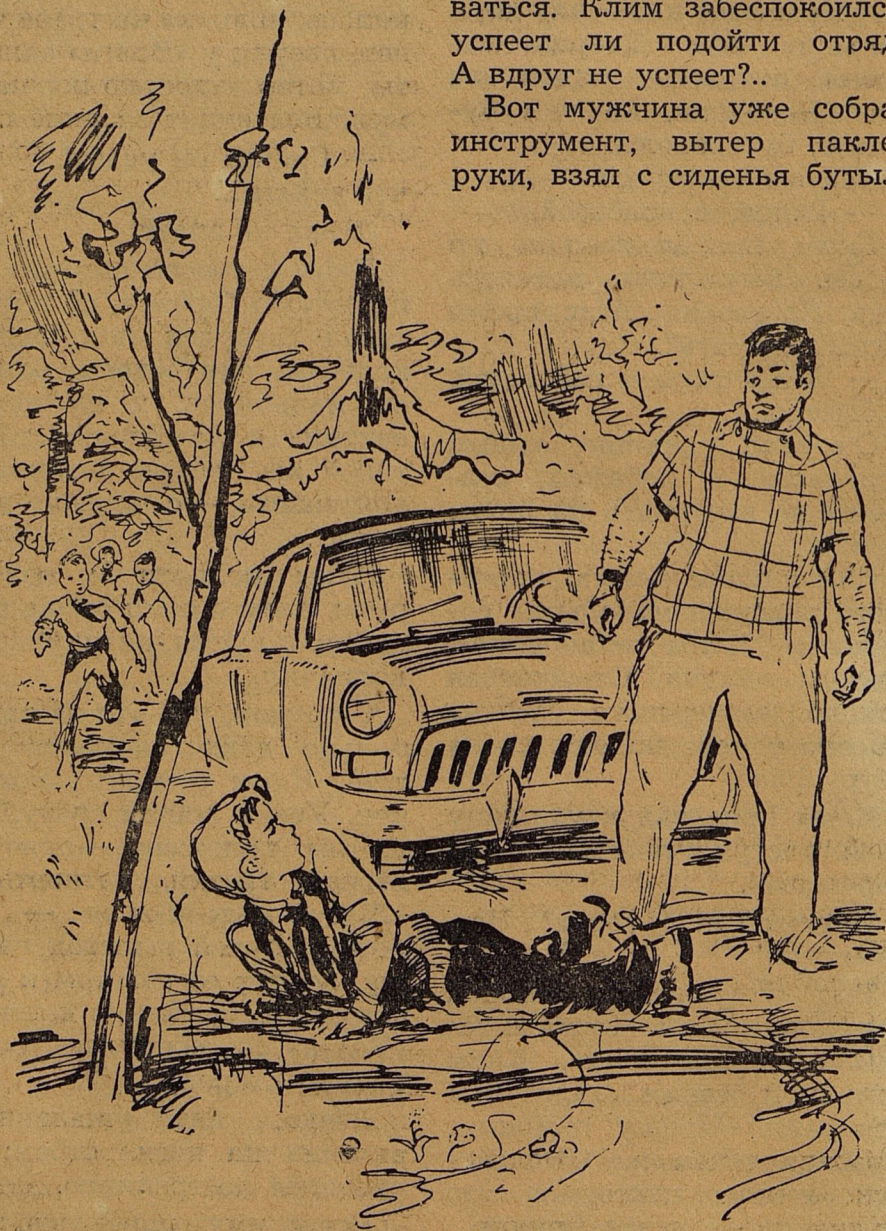
Скрытый кустами, затаив дыхание и сунув в рот ободранный палец, он наблюдал.

БОЙ НА ПОЛЯНЕ ТРЕХ БЕРЕЗ

Хозяин машины осмотрел колесо, чертыхнулся ещё раз, достал из багажника насос и принялся накачивать воздух.

Сплюснутая крышка начала постепенно наполняться, машина — выравниваться. Клим забеспокоился: успеет ли подойти отряд? А вдруг не успеет?..

Вот мужчина уже собрал инструмент, вытер паклей руки, взял с сиденья бутыл-

ку и допил всё, что в ней оставалось, прямо из горлышка.

У Клима застучало в груди так, что он даже испугался: вдруг мужчина услышит.

«Вчера на шоссе подвыпивший водитель сбил девочку...»

Подвыпивший! Но ведь этот мужчина тоже выпил. Сейчас он поедет на машине и может задавить кого-нибудь... Нет! Нужно во что бы то ни стало задержать его!

Клим быстро оглядел поляну. Отсюда ведёт к шоссе только одна узкая дорожка; она вьётся между деревьями.

Эх, пусть бы налетела гроза и свалила бы дерево на дорожку! Но грозы нет; небо чистое, голубое. Как же задержать машину?..

Мужчина уже сел за руль и включил мотор.

Клим выбежал из кустов и решительно лёг поперёк дороги.

«Волга» фыркнула мотором, споткнулась на тормозах. Мужчина вышел из-за руля.

— Ты что задумал, безобразник? Мало тебе, что выпустил воздух из колеса? Вот я сейчас разделаюсь с тобой. А ну, вставай!

Он поднял Клима, сильно встряхнул его и оттащил в сторону от дороги:

— Убирайся отсюда, дурак!

Мужчина пошёл к «Волге» и снова сел за руль.

Клим опять лёг на дорогу.

— Ах вот ты какой! Ну, погоди же...

Рывкнул мотор. Клим не пошевелился. Он только закрыл глаза.

«Хочет напугать. А наехать всё равно не посмеет... Но всё-таки он пьяный. А вдруг наедет?..»

Гул мотора уже над самым ухом, в лицо пахнуло бензиновым жаром, горячим маслом. Клим приоткрыл один глаз... Блеснул на солнце передний буфер «Волги», колеса растопырены, как лапы зверя... Но машина остановилась.

Клим открыл второй глаз.

Теперь мужчина смотрел на Клима не только со злостью, но и с удивлением:

— Послушай, ты! Чего тебе от меня надо?

Но Клим молчал. Он приподнялся на локте и прислушался: за деревьями раздалась барабанная дробь. В ту же минуту из-за кустов выбежали ребята.

Володя Ковальчук бросился к лежащему на дороге Климу:

— Что с тобой? Что тут происходит?

Мужчина развёл руками:

— Я бы сам хотел понять. Этот безобразник — ваш, вероятно? Сначала он повредил мне колесо, а теперь вот лёг на дорогу и не хочет вставать. Я никак не могу с ним справиться. Чёрт знает что такое! А ещё пионеры.

Володя между тем ощупал Клима и, убедившись, что тот

невредим, облегчённо вздохнул, но спросил сурово:

— Что всё это значит?

Клим поднял руку и маленьким, ободренным пальцем показал на своего большого противника:

— Он сделал три раза плохо, Вова. Погубил мальков в Щучьем заливе, сломал берёзку машиной, а ещё выпил — один целую бутылку. Слышишь, как от него пахнет вином?..

Раздался треск мотора. На поляну влетел мотоцикл. В его коляске сидел Лёвка Ситников.

Лейтенант милиции слез с седла, подошёл к хозяину «Волги» и поднес руку к своему лакированному козырьку.

— Извините, гражданин. Прошу предъявить ваши документы.

ПОБЕДИТЕЛИ

На лесной поляне разбита палатка победителей.

Перед палаткой горит костёр; на рогатинках, поставленных по всем правилам Девятого умения, пристроен котелок, в нём булькает вода.

Ясно, картошку варит Клим, а лентяй Лёвка сидит и облизывается. Но он не получит раньше времени ни полкартошины, потому что к Лёвке и Климу сегодня придут гости — звеньевая Собираетелей трав — Катя Малинина, горнист Валька Спицын и — главное! — помощник водителя — Володя Ковальчук!

Палатка стоит между тре-

мя стройными берёзками, одна из них аккуратно подвязана к воткнутому в землю удилищу. Кора у этой берёзки изрядно поцарапана, две ветки сломаны, но это ничего. Колхозный агроном сказал: если беречь деревцо, — заживёт.

А вот палец у Клима что-то не заживает. Видно, усики у колпачка «Волги» были грязные.

Вчера Клим забыл про палец, даже не пошёл в медпункт, но сегодня утром, когда ставили палатку, разбередил ранку, и теперь она вся красная, а под ногтем стучит — тук-тук, тук-тук, — неужели будет нарыв?

А тут ещё Лёвка пристаёт. Ноет, как эта ранка на пальце:

— Клим, а Клим! Ну дай хоть одну картошину. Когда они ещё придут!

Климу и самому хочется, чтобы скорее пришли ребята. Тогда палец можно будет показать Кате; уж она-то должна знать, что прикладывают к таким ранкам. А может, всё-таки сбежать в медпункт?.. Нет. До лагеря целый километр; пока вернёшься, Лёвка обязательно съест всю картошку. Придётся потерпеть.

Клим пристраивает рядом с котелком чайник и, зажав больной палец между коленками, снова садится у костра.

Так идёт время, — вода булькает, палец болит, а Лёвка всё канючит...

— Здравствуйте, — раздался сзади чей-то голос.

Лёвка вздрогнул от неожиданности. Мальчики обернулись.

На поляну из лесу вышла женщина, на ней — резиновые сапоги, мешок за спиной, а в руке кошелёк с грибами.

Женщина, разминаясь, повела плечами, присела к костру и потянула носом воздух:

— Ух, как вкусно пахнет! Рассыпчатая, поди?

Лицо у неё было запыхлённое, сапоги покрыты болотной грязью, а из-под платка в синюю горошинку выбивались седые волосы.

«Наверно, она очень устала», — подумал Клим и вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Хотите поесть, тётя? Картошка уже, кажется, готова.

Лёвка так и подскочил на месте. Метнул на Клима сердитый взгляд.

А женщина подняла крышку котелка, отломил от куста прут и проткнула им одну картошину.

— Пусть еще доварится. А что у вас в чайнике, кипяток? Вот и ладно. Будем есть картошку с грибами. Несите воду.

Лёвка облизнулся. Лицо у него сразу сделалось добрым.

— Я сейчас принесу, тётенька!

Он схватил ведёрко и убежал к ручью.

ЗВЕРОБОЙ

Женщина спросила у Клима:

— Ты чего это палец промеж коленок зажал? Порезал, поди? А ну, покажи.

Она осмотрела ранку. Потом порылась в своем мешке, достала несколько травинок с метёлками на конце и с желтыми цветками. Проворными жилистыми пальцами искрошила травинки в кружку, залила их кипятком из чайника и поставила кружку на угли.

— Что это, тётя?

— Зверобой-травка. От желудка помогает, и раны ею промывать хорошо.

Вернулся Лёвка с ведёрком холодной воды. Он то и дело облизывался, глядя, как женщина ловко чистит грибы.

А Клим смотрел на кружку со зверобоем; вода в ней забулькала коричневыми пузырьками.

— Хватит, — сказала женщина, — сними, пусть стынет.

— Ой, тётя! — воскликнул Лёвка. — А зачем у вас в корзинке мухоморы?

— Для лекарства припасла.

— Они же ядовитые!

— Ну и что? Растений много ядовитых, а лекарства из них получают полезные. — Женщина улыбнулась. — От мух, например.

— От мух — можно купить в аптеке.

— Ишь ты, приткий какой. А в аптеке, думаешь, растёт? Туда надо предоставить. Ваш

брат, пионеры, слышала я, помогают в этом.

Лёвка презрительно выпятил губы:

— Это девчоночье дело — травинки — муравинки собирать. У нас этим Катька Малянина занимается. А мы...

Тут Лёвка вдруг запнулся. Не мог, наверно, сразу вспомнить — чем же он занимается.

Женщина внимательно посмотрела на него.

— А ты, поди, государственные дела решаешь? Ну ну...

Она промыла палец Клима отваром из кружки. Потом соскребла с ближайшей ели ступок смолы и залепила ею ранку.

— Вот запомни, сынок. Если в лесу порежешься или ещё какая царапина — лучше еловой смолы средства нет. Залепи, как положено, и следа не останется. А теперь поедим.

Грибы с картошкой оказались такими вкусными, и было их так много, что даже Лёвка не сумел одолеть свою порцию. А в котелке осталось больше половины.

Мальчики разлеглись у палатки, подставив солнышку полные животы.

А женщина осталась возле костра; она раскладывала перед огнём корешки и травы из своего мешка, перебирала их, рассматривала и, слегка раскачиваясь, напевала что-то себе под нос.

— А вдруг она колдунья... — прошептал Лёвка.

Предзакатное солнце не жгло, а грело, ласково и дружески. Высоко в небе медленно кружил коршун, ветерок прохаживался по верхушкам деревьев, шелестел флагом победителей над палаткой. В животе приятно урчало. Тихонько потрескивал костерок на поляне Трёх Берёз...

Мальчики незаметно для себя уснули.

ДОБРАЯ ВОЛШЕБНИЦА

Проснулись они от звука трубы.

Валька Спицын стоял посреди поляны и играл «подъём».

— Хороши разведчики! — засмеялся Володя Ковальчук. — Даже дозор не выставили. Стоило бы снять с вас скальпы. А где же обещанное угощение?

Лёвка и Клим вскочили на ноги. Смущённо протерли глаза, осмотрелись.

Костёр давно погас. Женщины возле него не было. Вместе с нею исчезли оба котелка, ложки и ножик Клима — великолепный ножик с двумя острыми лезвиями и пластмассовой ручкой!.. Только кружка с отваром зверобоя стояла, забытая в траве.

— Я же тебе говорил, что она злая колдунья! — выкрикнул Лёвка.

Из палатки появилась Катя Малинина:

— Смотрите, ребята, что я нашла. Ай да Клим и Лёвка! Молодцы, настоящие хозяйки!

Катя держала свёрток из одеял. В нем оказались оба котелка. Когда их раскрыли, по поляне разнесся такой запах горячих грибов и картошки, что у всех потекли слюнки.

А ещё в свёртке была вторая кружка; в ней стояли торчком чисто вымытые ложки и ножик Клима.

— Про какую это злую колдунью ты здесь толковал? — спросил Володя.

Лёвка прикусил язык.

А Клим посмотрел на свой палец. Смола на нём затвердела тонкой прозрачной корочкой, а ранка вовсе перестала болеть, будто её никогда и не существовало.

— Это не злая колдунья, Вова. Это была добрая волшебница.

Пока ребята ели картошку с грибами — и конечно, Лёвка вместе с ними уплетал во второй раз, — Клим достал свою фляжку, перелил в неё

из кружки отвар зверобоя и плотно закрыл пробкой.

Весело звенели голоса на поляне Трёх Берёз. Опять разожгли костёр, и его искры полетели к темнеющему небу...

В этот вечер Клим засыпал счастливый, как никогда. Лёвка захныкал, что ему холодно, и ушёл ночевать в лагерь с ребятами, а с Климом остался Володя.

Они долго сидели у костра и смотрели на звёзды, и Володя научил находить Боль-

шую Медведицу, Вегу, а ещё — Полярную звезду, по которой штурманы в море прокладывают путь кораблям.

А потом мальчики забрались в палатку на подстилку из хвои под тёплые одеяла, и Володя пообещал взять Клима завтра в колхоз на птицеферму. А уж если он пообещал — значит так и будет. Ведь это его друг — Володя, у которого, даже когда он спит, мускулы на руках круглые, как мячики!

Грицько Войко

Д в а о с л и к а

Ослик к нам забрёл в садок
И сорвал с дубка листок.
Увидал из огорода
Наш Иванка, «друг природы»,
Что осёл сорвал листок —
Мигом кинулся в садок,
С корнем выхватил дубок:
— Что тебе, шалун, здесь надо?
Ну-ка, марш скорей из сада!
А осёл из-за ограды:
— Подружиться нам бы надо,
Ведь с тобой мы схожи очень:
Я сорвал один листок —
Ты же вырвал весь дубок!

Перевод с украинского
Семёна КОГАНА

ЗАГАДКИ АРХЕОЛОГИИ

НАХОДКА В ВОЗДУХЕ

ОХОТНИК выстрелил в птицу. Не успел ещё рассеяться дым, а большая, тяжёлая дрофа уже лежала у ног стрелка. Охотник полюбовался добычей и с удовлетворением отправил её в свой ягдташ. Мог ли он подозревать тогда, что охотничий ягдташ превратился в сумку археолога!

Археология — наука о древностях, вещах, оставшихся от давних поколений. По этим вещам можно судить о жизни наших далёких предков, восстанавливать забытые страницы истории.

Сперва археологи ограничивались изучением того, что сохранилось на поверхности земли — ветхих зданий, надгробных плит, старинной утвари из фамильных сокровищниц знати. Потом начали добывать для науки и те древности, которые были занесены землей, — приступили к раскопкам древних поселений, курганов, крепостей. Наконец, совсем недавно археологи надели акваланги, натянули на ноги ласты и погрузились под воду, — в музеях появились древности, оказавшиеся под водой: грузы с давно погибших кораблей, различные предметы из затопленных морем древнегреческих портовых городов. Вот только в воздухе археологи поднимались редко и то лишь затем, чтобы произвести аэрофотосъёмку местности. А находок в воздухе что-то не встречалось.

И вот — встретилась!

Когда птицу стали потрошить, в желудке у неё нашли блестящий металлический кружок. Это и оказался археологической находкой, упавшей с «неба». Это была старинная серебряная монета древнеримской чеканки. На одной её стороне — рельефный профиль человека с бородкой и в зубчатой короне. Вокруг изображения надпись на латинском языке. В переводе эта надпись означает: «Император цезарь Викторин благочестивый счастливый святой».

Действительно, истории известен такой римский император. Правда, он не был ни благочестивым, ни счастливым, ни святым. Викторин правил Римской империей всего два года — с 268 по 270 год нашей эры. Всё это время он провёл в жестокой и коварной войне с другими претендентами на власть и был убит своими легионерами.

Но не особа императора заинтересовала археологов, а монета. Ясно, что убитая птица раздобыла её, подобно археологу, роясь в земле, где-то неподалеку, потому что дрофы на большие расстояния не перелетают. А подстрелена она была в Полтавской области, близ села Глобина. Как же древнеримская монета оказалась на Украине?

А вспомним-ка: ведь граница древнеримской империи проходила не так уж далеко от Украины — по землям нынешних Румынии и Молдавии, одно время она достигала даже устья Днестра. Со-

ветские учёные составили карту распространения римских монет на территории нашей страны. Наряду с другими находками достойное место на этой карте заняла и та, которая упала с «неба» после меткого выстрела охотника.

Эти деньги пришли сюда в уп-

лату за какие-то товары, увезённые римскими купцами — хлеб, мёд, воск, пушнину, может быть, рабов. «Находка в воздухе» — ещё одно звено в торговом пути, прослеженном археологами.

КРАСНЫЕ КОСТИ И КАМЕННЫЕ МОЛОТКИ

РАСКАПЫВАЯ могильник бронзового века в долине реки Молочной (на Украине), советские археологи недавно наткнулись на два очень странных скелета. Черепа погребённых воинов были густо облеплены смолой. Некоторые кости оказались не белыми, а ярко-красными (а скелеты пролежали в земле более трех тысяч лет!).

Чем был проломлен череп одного из воинов, догадаться нетрудно: в таких могилах археологам часто попадаются тяжёлые, тщательно отшлифованные каменные молотки с массивным, как у топора, рубящим лезвием и до смешного узким отверстием для рукоятки. Эти молотки найдены и в курганах у реки Молочной.

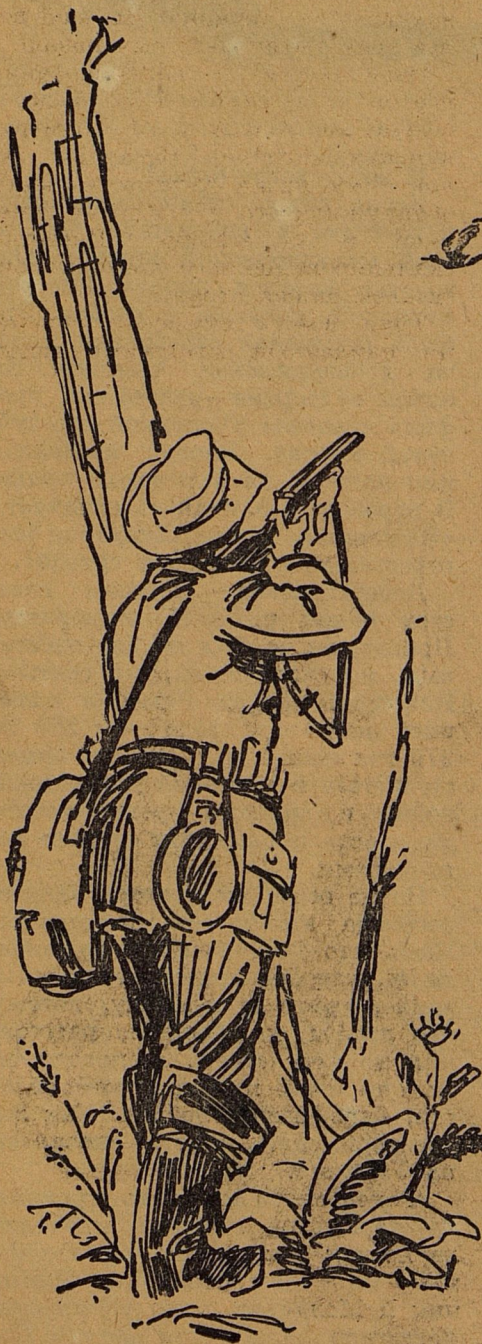
Учёные давно уже догадались, что это не рабочие инструменты, а оружие, «боевые топоры».

Красный цвет костей тоже давно перестал быть загадкой для археологов.

Учёные пришли к выводу, что красной краской (охрой) раскрашивалось тело покойника и обильно посыпалось сверху, а когда тело превращалось в прах, эта краска попросту оседала на кости. Красный цвет, цвет огня и крови, у многих древних народов считался священным, охраняющим от злых духов. Не случайно в русском языке слова «красный» и «красивый» — от одного корня.

Но откуда смола на черепках? Зачем она?

Отыскать что-либо подобное в похоронных обрядах современных и древних народов не удалось, — ни летописцы, ни путешественники не слышали о таких

обычаях. Остаётся догадываться. Смолой, очевидно, надо было что-то закрепить на голове. Но что?

Загадку помогло разрешить одно обстоятельство. На внутренней поверхности смоляного налёпа отпечатались волосы. Значит, между смолой и волосняным покровом не было ничего постороннего. Именно волосняной покров, выходит, и не держался на голове, спадал с неё.

Воины были скальпированы — вот в чём разгадка!

Сородичам убитых, видимо, удалось отвоевать у врагов скальпы, и, чтобы убитые могли предстать в достойном виде перед своими предками в загробном мире,

скальпы пришлось укрепить на головах смолой.

Но ведь всякий, кто читал романы Фенимора Купера, знает, что охота за скальпами существовала в прошлом у североамериканских индейцев. А тут вдруг скальпы на Украине! Да ещё более трех тысяч лет тому назад!

Оказывается, скальпирование врагов и в самом деле было в обычае не только у североамериканских индейцев. Несколько веков тому назад путешественники обнаружили его и в Южной Америке, и в Африке. Известно скальпирование и у древних обитателей нашей страны.

Труп вождя скифского племени, найденный советскими архео-

логами в вечной мерзлоте на Алтае и сохранившийся, как в леднике, тоже был лишён скальпа.

Находки у реки Молочной говорят о том, что обычай скальпирования существовал в нашей стране задолго до скифов.

Сходство с индейцами поразительное. А разве раскрашивание тела не напоминает о тех же индейцах (ведь их и прозвали «краснокожими» за раскраску лица — на самом-то деле кожа у них желтовато-коричневая)! А разве не похожи каменные «боевые топоры» древних жителей нашей страны на индейские томагавки!

И вот тут приходится вспомнить выдающегося американского учёного Льюиса Моргана, который прожил много лет среди индейцев и глубоко изучил их жизнь и культуру. Собранные учёным факты свидетельствуют о том, что когда-то европейцы находились на том же уровне развития, что и индейское племя, приоткрывшее Моргана, и у них были такие же обычаи: и отсутствие государственной власти, и высокое положение женщин в обществе, и равенство прав, и кровная месть, и многое другое.

Труд Моргана очень высоко оценили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Ведь он доказал, что в прошлом у европейских народов, как у индейцев, не было эксплуатации, не было разделения на господ и рабов. Значит, можно без них обойтись и в будущем.

Маркс и Энгельс использовали его открытие как одно из доказательств необходимости пролетарской революции.

А в наши дни каждое новое свидетельство схождения между древними обитателями европейского континента и Америки, кроме того, лишний раз напоминает о равенстве всех народов.

Может быть, и вам, ребята, попадутся в руки черные или серые каменные топоры-молоты — родственники индейских томагавков. Они встречаются не только в курганах. Случайно такой топор-

молот можно найти просто на поле или на лугу, у берега реки или оврага — словом, везде, где его мог выронить в древности раненый воин.

Помните, что каждая такая находка — не игрушка, не пустяк. Она важна для науки. Формы этих боевых топоров были различны у разных племён, и, нанося находки на карту, мы получаем сведения о расселении древних племён в нашей стране — мы заполняем историческую карту.

А на этой карте еще много белых пятен.

Не забудьте: раскапывать курганы могут только археологи. Это очень тонкое, сложное и ответственное дело. Даже специалисты не имеют права раскапывать курганы без особого разрешения Академии наук — «Открытого листа». Древности — наследие веков, память о предках — охраняются законом.

ГОЛУБЫЕ МЕЧИ

АЛЕКСАНДР Данилович Грач — археолог. Он пристрастился к далёким Тувинским горам — самому центру азиатского материка. На маленькой лохматой лошаёнке Александр Данилович пробирается по горным тропам, отыскивает высеченные на скалах древние изображения, фотографирует каменных истуканов с изъеденными ветром лицами, раскапывает могилы кочевников, тревоживших своими набегами «Поднебесную империю» — древний Китай...

Но случай, о котором я хочу рассказать, произошёл с ним здесь, в Ленинграде, в центре города.

Ранней весной 1952 года археолог Грач заканчивал подготовку к очередной экспедиции. В раскрытые окна одного из институтов Академии наук — того, который носит имя замечательного путешественника Н. Н. Миклухи-Маклая, — врвался тёплый и

влажный ветерок с Невы, шелестел планами и картами на столах, навевал мысли о далёких странствиях и широких просторах. Институт помещается в здании знаменитой Кунсткамеры Петра I, специально выстроенном для музея и других научных учреждений.

Где-то под самыми окнами тахтал мотор, что-то лязгало и скрежетало, переговаривались рабочие. Археолог выглянул наружу. Возле здания Кунсткамеры, в Таможенном переулке, рыли траншею — проводили газ. Мокрые груды развороченной земли чернели по обе стороны от глубокой щели, а из неё то и дело вылетали и с сочным чавканьем ложились сверху новые пласты жирной чёрной грязи. Археолога всегда неудержимо тянет ко всякой свежей яме, канаве, рву — словом, ко всякому месту, где копают. Грач отложил в сторону список экспедиционного снаряжения, вышел на улицу и подошёл к траншее.

В первой же кучке грязи, шлёпнувшейся к его ногам, он увидел обломок тарелки, на котором были нарисованы два скрещённых изогнутых меча — голубой краской на белом фоне.

Сознайтесь откровенно, кто из вас обратил бы внимание на такой обломок? Кто не побрезговал бы поднять его?

Александр Данилович не только поднял. Он попросил остановить машину, прыгнул к рабочим в траншею — как был, в обычном костюме и туфлях, — стал перебирать руками липкую грязь. Вскоре он извлёк из грязи обломок глиняной курительной трубки, разбитую бутылку странной формы... И тогда вылез, вбежал в здание института и бросился к телефону. Рытье траншеи приостановили. Ею занялись археологи.

Голубые скрещённые мечи — это марка старинной немецкой фирмы, выпускающей фарфоровую посуду, — марка Мейсенской

мануфактуры. Предприятие существует и сейчас и выпускает изделия, помеченные всё тем же знаком — скрещёнными мечами, только рисуются они немного иначе. На черепке был знак в самом старинном начертании — XVIII века. Это эпоха Петра I и его ближайших преемников.

Надо сказать, что до сей поры археологи столь поздними временами не занимались. Считалось, что от этой эпохи сохранилось достаточно — книги, газеты, мемуары, картины, много вещей в музеях, целые здания.

Здания? Да, они и сейчас украшают улицы Ленинграда — домик Петра I, дворец «Александровский» Меншикова, Двенадцать коллегий, Кунсткамера, Петропавловский собор. Но ведь это всё хоромы, а были-то и хижины, —

но от них-то ничего и не сохранилось. Они снесены, и на их месте стоят наши дома.

Музеи? Да, в их густой тишине, под стеклами витрин, застыли предметы искусства и быта из времен Петра I и Елизаветы Петровны — восковая «персона» (скульптурный портрет Петра), смешные пистолеты и сверкающие бриллиантами сабли, статуи и гобелены, вазы и табакерки. Но ведь это всё вещи дворянского обихода. И они тоже взяты из дворцов, а не из хижин.

Книги? Газеты? Мемуары? Да, их можно перелистать в библиотеках. Но кто их писал? Люди узкого круга, владевшего тогда образованием и просвещением. Для кого они написаны? Для читателей, принадлежавших всё к тому же узкому кругу, для людей из «общества» (ведь только этот круг и именовался тогда «обществом»). Книги вроде радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» — редкость исключительная.

Ясно, что, пользуясь только этими источниками, полного и правильного представления о тогдашней жизни народов России составить нельзя.

Вот почему археолог Грач нарушил старую традицию. Вот почему находки в Таможённом переулке привлекли внимание учёных. Вот почему об этих находках издана книга, и книгу эту открывают слова:

«...оказывается, и за два с половиной столетия под проспектами и улицами, по которым бегут автобусы и трамваи, под дворами и скверами, где играют дети, накопились ценные археологические материалы. И они дают возможность с большой полнотой представить себе жизнь именно тех известных «рабочих» людей, о чьём повседневном существовании известно так мало. Ни один музей не сохранил их утвари и одежды: они были так бедны, что после них нечего было хранить и передавать потомкам;

не случайно при раскопках не найдено ни одной даже самой мелкой монетки: и грош берегли они, как великую ценность. А ведь именно эти неизвестные строители и ремесленники возводили прославленные красотой здания Петербурга, укрепляли берега наших рек и каналов. И вот их жизнь открывается перед нами, о ней рассказывают добытые из-под земли предметы».

Только не надо думать, что понять молчаливое повествование вещей было легко и просто.

В чёрной мокрой и тесной яме, где оказался Александр Данилович, из жидкой грязи, насыщенной черепками битой посуды и обрывками кожи, выступило стоящее вертикально бревно, вероятно свая, а несколько дальше — деревянный сруб, видимо подпол какого-то деревянного строения. Что это за свая и что за строение? Только узнав это, можно по-настоящему оценить вещи, вынутые из грязи в срубе и возле него.

Археолог обратился к старинным документам, планам и рисункам Стрелки Васильевского острова.

Сначала нашлось объяснение для свай. В 1718 году по непосредственному указанию Петра I было заложено здание Кунсткамеры. Кроме Кунсткамеры (музея редкостей), в здании разместились Библиотека, Астрономическая обсерватория и Анатомический кабинет. Позади здания к 1752 году выстроили «каменный о двух этажах покой» для громадного глобуса. Из Москвы сюда на восьми лошадях перевезли глобус, подаренный отцу Петра, царю Алексею Михайловичу Нидерландскими Генеральными Штатами. Вскоре русскими мастерами был изготовлен Большой академический глобус, ещё более внушительных размеров, которым и был заменён голландский. К знаменитому глобусу потянулись вереницы любопытных посетителей. Но так как в непролазной

грязи вокруг Кунсткамеры (тут били ключи) увязали не только пешеходы, но и кареты вельмож, то потребовалось проложить специальные мостки на сваях от берега Невы к «глобусному покою». Одна из этих свай и попалась археологу.

На планах нашлись и деревянные постройки позади Кунсткамеры.

Ближе всего к зданию Кунсткамеры — там, где оказалось больше всего находок, — стояла деревянная кухня или «поварня», принадлежавшая профессору Делилю, одному из иностранных специалистов, выписанных для молодой Петербургской академии наук, а чуть поодаль — там, где был обнаружен подпол, — «сарай и конюшня с избою», выстроенные для того же профессора.

В числе находок — стеклянные штофы, дешёвые глиняные курительные трубки, большая глиняная «артельная» миска — из такой миски хлебали щи всей семьей или целой артелью. Забавная глиняная игрушка изображала утку, в ней — отверстие. Свистулька? Александр Данилович попробовал: подул — свистит!

Тут же найдены обрывки кожаной обуви, щипцы для снятия нагара со свечей, обломки дорожной фарфоровой посуды в голубыми мечами, — вероятно, на кухню попадали и вещи господ. Но рядом — лапоть, самый настоящий, лыковый, и сохранился хорошо, хоть сейчас обувай.

Когда Александр Данилович Грач готовил к печати свою книжку «Археологические раскопки в Ленинграде», он часами стоял у шкафа с находками, не расставался даже ночью с фотографиями их, только о них думал и говорил. Признаться, всем его друзьям эти находки успели немножко — как бы это помягче выразиться — наскучить.

Всем, кроме одного.

Этим одним был молодой художник Георгий Песис. Он и до

того работал над воссозданием русской истории в живописных образах, особенно увлекался эпохой Петра и, конечно, «прилип» к этим находкам. За каждой ему чудились живые люди — славные петровские солдаты, могучие строители в посконных портах и рубахах, лукавые судомойки и прачки... Его фантазия умела на нескольких находках — в сущности, на обломках и обрывках — строить живые картины быта петровской Руси.

Так родилась серия рисунков, основанных на «обыгрывании» реальных предметов — тех, что добыты из траншеи газопровода. Эти рисунки вошли в книгу А. Д. Грача. На одном рисунке матрос, возвратившийся из дальнего плавания, рассказывает притихшим слушателям о заморских землях и кровавых баталиях. На другом — два академика, в высоких париках, с забавной важностью и запальчивостью ведут учёный спор. Вот подвыпивший гуляка о чём-то врёт своим собутыльникам в аустерии. А на этом рисунке «рабочие люди» и солдат негромко беседуют о чём-то, примостившись позади повара Делиля. Лица их суровы и мрачны, — видать, разговор у них идёт невесёлый: о тяжкой жизни, о господах, о том, что, говорят, в лесу на дороге из города... Хорошо, что «господа кабинетные министры» не слышат этого разговора! А мы вот слышим! Слышим же!..

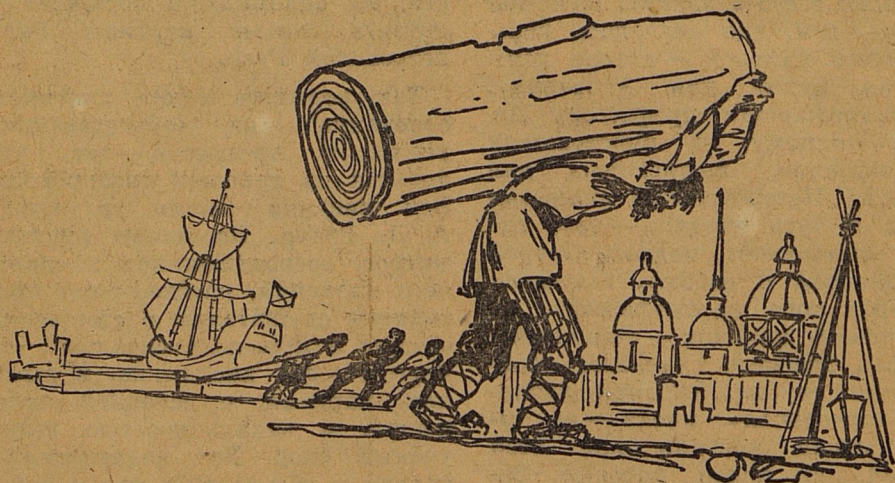
Я рассказал о происшествии в Таможенном переулке не без умысла. Мне хотелось показать, как важна в повседневной жизни наблюдательность — та, которая вырабатывается в дальних путешествиях, в научно-исследовательских экспедициях и которую мы обычно считаем ненужной у себя дома — в родном городе, селе. Археолог Грач по привычке путешественника и дома смотрел на всё острыми глазами любознательного и деятельного че-

ловека науки, на каждом шагу ожидающего открытий. Вот почему он увидел голубые мечи там, где прохожие видели только грязь.

Если ты любишь историю, если тебе дорого славное прошлое род-

ного народа, присмотрись и ты, когда идёшь по городу, — может быть, где-то совсем поблизости тебя ждут твои археологические находки, твои открытия, твои голубые мечи. Разве ради них не стоит нагнуться?

Литературная шкатулка

Э з о п в т е м н и ц е

В молодости знаменитый древнегреческий баснописец Эзоп был рабом. Однажды хозяин отправил его в город с поручением. К несчастью, Эзоп встретил в пути судью, который строго спросил его:

— Куда идёшь, раб?

— Не знаю! — ответил Эзоп.

Ответ показался судье подозри-

тельным, и он приказал отправить Эзоп в темницу.

— Но в таком случае я сказал правду! — воскликнул мудрец. — Разве мог я предполагать, что иду в тюрьму?

Судье понравился остроумный ответ Эзоп, и он отменил свой приказ.

Ходили мы походами

Ф Е Л Ь Е Т О Н

«Здравствуй, Петя!

Как ты там, в городе? Ску-
чаешь, наверное? Не падай духом!
Я буду тебе письма писать. Чтобы
ты не скучал.

Евгений Петрович говорит, что
не падать духом — это самое глав-
ное.

Скоро мы с Евгением Петрови-
чем в поход пойдём. Потому что
я теперь — турист. Это когда у
нас в лагере разбивали отряды по
интересам, мы с Лёшкой решили,
что к туризму у нас самый боль-
шой интерес. А что? Кому охота в
«юных вышивальщиков» записы-
ваться?! У нас ещё и «юный ого-
родник» есть, и «юный читатель».
А тех, кто нигде записываться не
захотел и только в гамаках ва-
ляется, у нас тоже объединили. В
отряд «юный пенсионер».

Но мы с Лёшкой — туристы. Уже
начали азимут изучать. Сначала
тренировались по азимуту точно к
столовой выходить. Идешь себе и
на компас смотришь: стрелка на-
право — и ты направо. Лёшка го-
ворит, что по запаху к столовой
вернее выйдешь, но я всё равно с
компасом не расстаюсь. Стрелка
прямо — и я прямо. Прямо в сто-
ловую. А потом на стрелку и смот-
реть нечего: всё равно она в раз-
ные стороны вертится. Лёшка го-
ворит, что это магнитное отклоне-
ние. Конечно, будет тут отклоне-
ние, если на кухне одних ножей да
сковородок полно — металл ведь.

Позавчера мы уже и в лесу тре-
нировались. Пока шли азимутом
по дороге — здорово получалось.
А потом свернули в лес, и сразу
начались магнитные отклонения.
Наверное, где-нибудь под землей
руда лежит, совсем близко.

По солнцу ориентироваться
трудно: оно всё время переме-
щается, — ничего не разберёшь.
Это тебе не Полярная звезда. Та

всегда на своём месте. Жалко
только, что днём она не горит. А
нам нужно было определить сто-
роны света.

Решили муравейник раскопать:
говорят, муравьи всегда бегут на
юг спастись. Но они чего-то нас
не поняли и расползлись во все
стороны. Одного я даже у себя за
шиворотом почувствовал — ку-
сается!..

Потом по пням, по деревьям на-
правления искали. У одного пня
нашли север: буква «С» ножом
вырезана. А дальше ещё буквы:
«ЕРЁЖА» написано. Лёшка опять
оказался сообразительнее всех:
спросил дорогу к лагерю у какой-
то старушки — и мы выбрались
наконец из леса. Даже на ужин
поспели.

Ну, будь здоров! Не падай ду-
хом!

Твой друг Костя».

«Здравствуй, Петя!

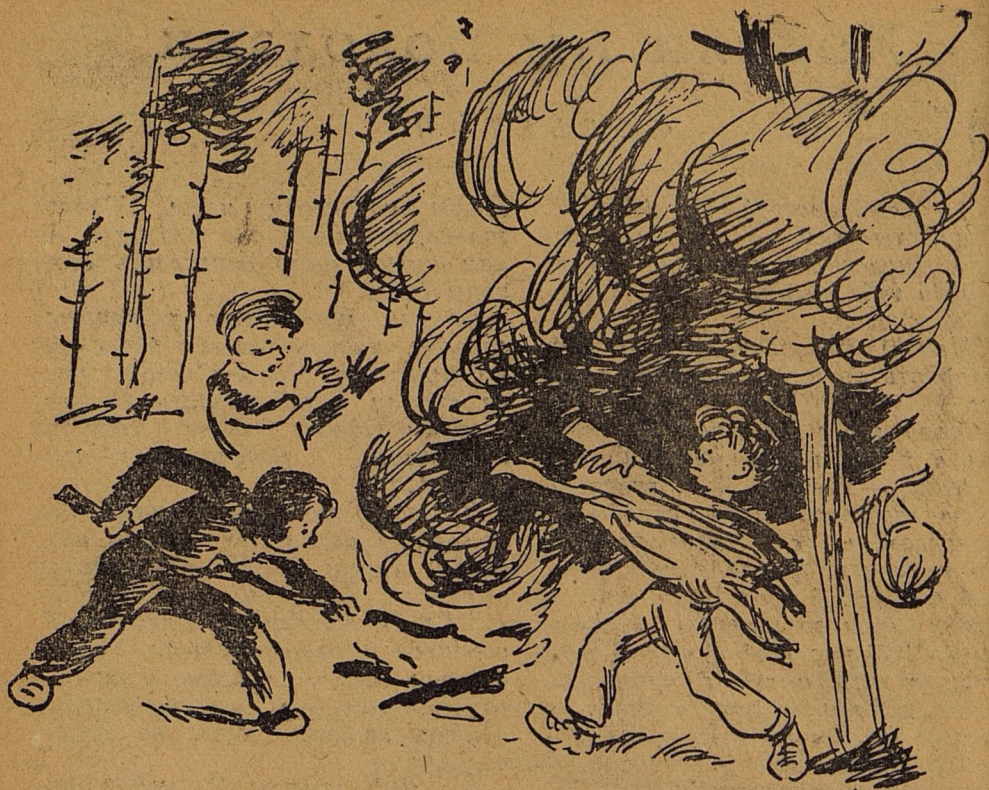
Ну как, не скучаешь?

Нам здесь скучать не приходит-
ся. Мы всю к походу готовимся.
Сейчас развиваем свой кругозор и
наблюдательность.

Вчера в пробный поход ходили.
Вот здорово! Двенадцать километ-
ров прошагали, а мне хоть бы что!
Я третьим шёл. Сначала Евгений
Петрович, за ним Лёшка, а по-
том я.

Я всё за Лёшкиными ботинками
следил. Куда ботинки — туда и я.
Тут уж иди — по сторонам не
оглядывайся. Зато я Лёшкины бо-
тинки теперь наизусть знаю. На
левом ботинке у него каблук сбит,
а на правом подковка на одном
шурпе — еле держится. Я всё ду-
мал: вот она сейчас отвалится, вот
отвалится, а она брякает и ничего...
Только уже у самого лагеря я
Лёшке на пятку наступил, подков-
ка и отлетела.

А поход был здорово интересный! Теперь я знаю, как развивать наблюдательность и кругозор. Вот скоро в настоящий поход пойдём — тогда да! Только Лёшка, наверно, теперь в сандалиях пойдёт: в ботинках у него чего-то жмёт. А мне всё равно — я и на сандалиях могу наблюдательность развивать!

Ну ты не скучай! Я скоро вернусь из похода и обо всём напишу.

Константин Полоскин, староста туристского профильного актива по интересам.

«Здравствуй, Петя!

Вот мы и вернулись! Ну и здорово! Поход был — красота!

Вышли мы после завтрака, еле еле из-за столов встали. А Мария Григорьевна уговаривает ещё чего-нибудь съесть.

— Голодные, — говорит, — три дня будете. Кушайте, пока есть возможность.

А чего она переживала? Продуктов мы чуть не на год набрали.

Первый день их даже машина везла сзади. А потом в ней чего-то поломалось и пришлось нам самим всё тащить: и продукты, и одеяла.

На первом привале мы кашу варили и целый час спорили: кисель нужно варить или нет? Решили варить.

На ужин ели вермишель с мясом и чай с дымом. Вермишель пригорела, чай вылили в костер, один дым остался.

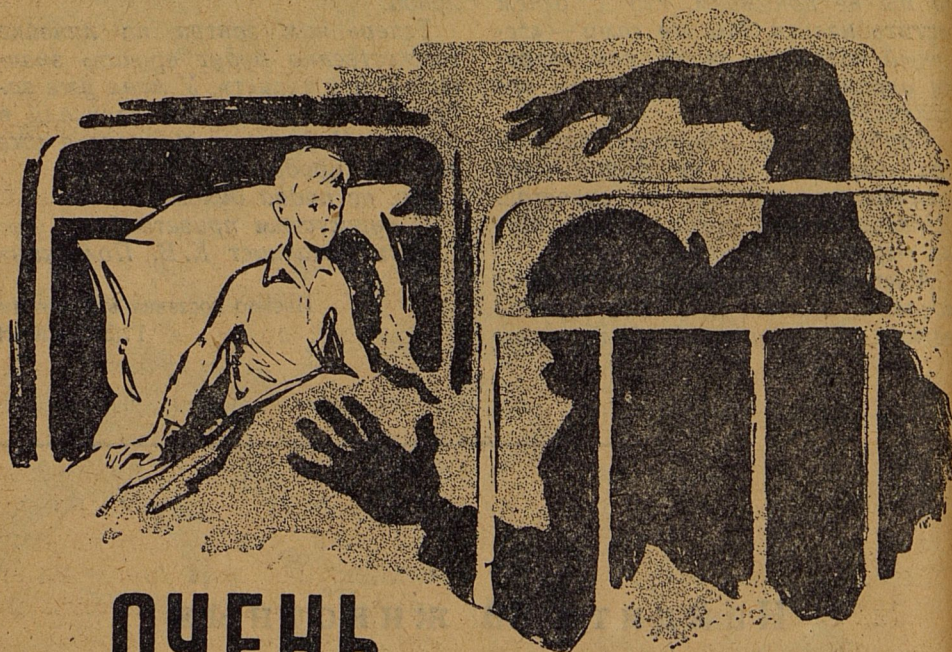
Утром помыли в озере кастрюли от вчерашнего ужина. До самого обеда возились. Постановили больше не варить, — всё равно толку мало. Дали каждому банку сгущёнки и банку тушёнки. Я столько сразу никогда в жизни не ел. А тут съел. Все едят, и я съел. Девчонки, правда, половину выбросили — чтобы идти легче было.

На ужин ели суп из крапивы с кисличкой и кисель из свежей земляники. Вспоминали тушёнку, сгущёнку и выкинутые сухари.

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

ПОВЕСТЬ

РАКЕТА НИКУДА НЕ УЛЕТЕЛА

Все новые лекарства, в том числе знаменитый галантамин, которым меня лечат в институте, помогают пока очень мало. Правда, Фёдор Савельевич ходом лечения доволен, но мне от

этого не легче. Я и сам не мечтаю быть чемпионом по бегу или капитаном футбольной команды, но неужели мне так и придётся всю жизнь пролежать привязанным невидимыми верёвками к этой проклятой постели? А если нет, то сколько ещё это может длиться? Год? Два?

— К весне начнёшь ходить на костылях, — сказал Сокольский.

Как трудно в это поверить! Ведь я почти не чувствую ног.

Меня очень тревожит мама. В последнее время ей совсем стало плохо. Она осунулась, стала раздражительной и злой и без конца ругает меня. За галстук, за ребят, которые ко мне ходят, за книги, что они мне дают... Она уволилась с

Продолжение. Начало смотри „Искорку“ № 4—6 за 1962 г.

работы, целыми часами стоит на коленях и молится, заломив руки, а когда поворачивается ко мне, глаза у неё пустые и страшные.

Оживает она только тогда, когда приходит дядя Петя. С каждым днём я ненавижу его всё сильнее и сильнее. Зачем он ходит к нам? Что ему надо?

Он пьёт чай и утирает краем полотенца пот.

— Все эти профессора — одна только видимость, — хрипло говорит он и буравит меня холодными, как льдинки, глазами. — Вот у нас в селе брат Мавритий — это, скажу я тебе, профессор. Божьим словом да святой водичкой от всех хворостей лечит.

Дядя Петя хлюпает носом, тоненький голосок его начинает дрожать.

— Надо и тебя к нему везти, — говорит он.

Я отворачиваюсь к стене, — разговаривать с ним мне не хочется, да и не о чем. «Чтоб ты под трамвай попал, гад», — с тоской думал я. Но назавтра он приходит вновь, и вновь о чём-то толкует с матерью, и они вместе листают библию — две угрюмые тени колеблются на белой стене.

Ребята приходят ко мне каждый день, а Венька даже два раза в день. Утром, торопясь в школу, он останавливается у нашего окна и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистит. Я подтягиваюсь на руках и выглядываю, он машет мне и убегает. И всегда — вовремя, потому что дворник дядя Ха-

ритон уже выскакивает из своей квартиры с метлой.

Побывали у меня и учителя. Мне очень понравилась учительница русского языка Елена Константиновна и математик Григорий Яковлевич, наш классный. Ребята втихомолку зовут его «Плюс-минус». Он проверил все мои тетрадки по алгебре и геометрии и расставил в них большие жирные тройки, четвёрки и пятёрки. И ни одной двойки. А потом два часа гонял меня по всему учебнику, покручивая на пальце пенсне на чёрном шёлковом шнурочке, и ещё здорово отругал за то, что я забросил устный счёт. Можно подумать, что я каждый день сижу на его уроках и не слушаю объяснения, а читаю под партой какую-нибудь книжку про шпионов и потому ничего не знаю.

Григорий Яковлевич сердился, на голове у него смешно вздрагивал седой хохолок и он говорил:

— Можно подумать, что я никогда не был в вашем возрасте! (Интересно, он всех называет на «вы» или только меня?) Мальчишки бредят космическими кораблями, мечтают строить обитаемые искусственные спутники и не умеют быстро помножить в уме 1874 на 11. Это же просто смешно. Нет, нет, прежде чем лететь к звёздам, надо научиться считать. Да, считать! Вы не согласны?

И он с удивлением вглядывался в меня беспокойными близорукими глазами, хотя я

лежал тихо, как мышь, и даже не думал возражать.

— Согласен, Григорий Яковлевич, — поспешил я заверить его. — Конечно, согласен.

Теперь, когда в классе начинали новую тему по алгебре, физике или геометрии, вместе с ребятами приходил ко мне и он. На длинном пиджаке его всегда были следы мела, и хохолок воинственно торчал на макушке, а на шнурочке болталось пенсне — два стёклышка и дужка.

Вскоре я начал готовиться к первому сбору своего отряда. Назывался он «Сорок секретов, сорок учеников и сорок учителей». Тома и Венька рассказали мне о сборе ещё за полмесяца. К сбору каждый должен был что-нибудь смастерить своими руками. Но только от других держать это в секрете. А потом принести, показать и рассказать, как сделал. И других научить. Вот и получалось, что сорок ребят были и учениками, и учителями. И у каждого было по секрету.

— А ты можешь нам сыграть, — сказала Тома. — Это ведь тоже дело.

— Ну какое это дело, — возмутился Венька. — И какой секрет? Ведь все знают, что он играть умеет. Пусть что-нибудь настоящее сделает. Посмотри, сколько у него инструментов.

И он вытащил из-под кровати ящик с инструментами — подарок дяди Егора.

— Ладно, подумаю, — отве-

тил я. — Что-нибудь соображу. Но ведь это секрет?

— Секрет, — засмеялись Венька и Тома.

Уже прошла целая неделя, а у меня ничего не придумывалось. Венька прибежал озабоченный и то рылся в моих инструментах, то выпрашивал у дяди Егора куски плексигласа и какой-то особый клей, который нельзя было достать в магазине. Алёша не расставался с книгой юного автолюбителя и подолгу растолковывал мне, как сделать автомобиль с реактивным двигателем или вечемобиль. О его «секрете» я догадывался. У Тома из портфеля выглядывал уголок вышивки, по-моему, и её работа ни для кого секретом не была. Все ходили как заговорщики из старинного романа. И только я ничего не делал.

День сбора приближался. Что делать? Неужели вместо сорока «секретов» будет всего тридцать девять?

И тогда я позвал Лёню и попросил у него помощи. Ведь это был мой первый сбор!

— А ты сделай модель ракеты, — подумав, посоветовал Лёня. — Я тебе принесу несколько кусков оцинкованной жести и научу с нею работать. Затем мы укрепим ракету на подставке и посадим в неё Стрелку и Белку. Собак можно вылепить из пластилина, пусть выглядывают в иллюминаторы. Здорово придумано?

— Здорово, — согласился я.

— Тогда берись за чертежи, а завтра начнём работу.

Весь вечер я рисовал ракету. Но художник я аховый, и получилась она пузатой и неуклюжей. К счастью, несколько дней тому назад Венька принёс мне из школьной библиотеки книгу «Путь к звёздам», и я вспомнил о ней. Там на обложке был нарисован настоящий космический корабль. Перерисовать его и увеличить уже было нетрудно.

Утром, уходя на работу, Лёня занёс мне полуметровую дубовую чурку.

— К вечеру приготовь из неё болванку. Остругай, чтобы была похожа на твою ракету, — сказал он.

Легко сказать «приготовь».

Вместо верстака у меня была только наклонная доска дяди Егора. Работать на ней маленьким рубанком я не мог. Оставался только один ин-

струмент — кухонный нож. И я стругал им, пока на руках у меня не появились волдыри. Но чурка была как из железа. Она никак не хотела принимать сигарообразную форму. Я пропотел над ней три часа, засыпал весь пол и всю постель стружками, а она выглядела так, будто её немножко погрызли козы.

Выспавшись после ночной смены, ко мне зашёл дядя Егор. Несколько минут он исподлобья наблюдал за моей

работой и покусывал усы. Наконец не выдержал.

— Дай-ка мне эту чёртову чурку, я её на кухне в два счёта отстругаю. Ты только покажи как.

Я плюнул в раскалённую ладонь и крепче зажал нож:

— Не могу, дядя Егор.

— Это почему? — удивился он.

— Так ведь к сбору надо всё делать своими руками. Как же я вашими буду?

Дядя Егор лукаво прищурился и, оглянувшись на дверь, сказал:

— А кто про это узнает, чьими руками ты делал — моими или своими? Венька со своей командой ещё не скоро заявится, в самый раз упрямимся.

«Верно, — мелькнуло на мгновение в голове. — Упрямимся в самый раз. А то ведь руки уже так болят — мочи нет. И всё равно не справлюсь».

Дядя Егор ожидающе смотрел на меня, в глазах у него мелькнула и погасла хитринка. Я отрицательно покачал головой и вздохнул:

— Спасибо, дядя Егор, — нельзя. Ну и что с того, что никто не узнает? Сам-то я знать это буду.

Дядя Егор негромко засмеялся и хлопнул себя по колену:

— Ладно, шут с тобой. Дай хоть нож тебе поточу.

Ножом уже нельзя было даже кусок хлеба отрезать. Дядя Егор наточил его так, что он стал острым, как бритва. Дело

пошло веселее. К полудню болванка ракеты с дюзами и лёгким оперением была готова. Я сунул её под подушку. Тётя Таня, сердито ворча себе что-то под нос про старых и малых, которые чёрт-те чем занимаются, убрала в комнате.

Вечером Лёня принёс серебристой жести, и мы гремим на всю квартиру. Мама сердится, тётя Таня жалуется на головную боль, дядя Егор раскатисто хохочет и покусывает усы. И так — заполночь.

Ракета получилась замечательная. Масляными красками я написал на её борту — «СССР-1» и нарисовал звезду. В иллюминаторы, которые мы сделали из слюды, можно было видеть Стелку и Белку. В кабине мы установили три лампочки. Тонкие проводки от них шли к батарейке. Стоило замкнуть цепь, и лампочки вспыхивали. Яркое освещённая ракета улетала к чужим мирам.

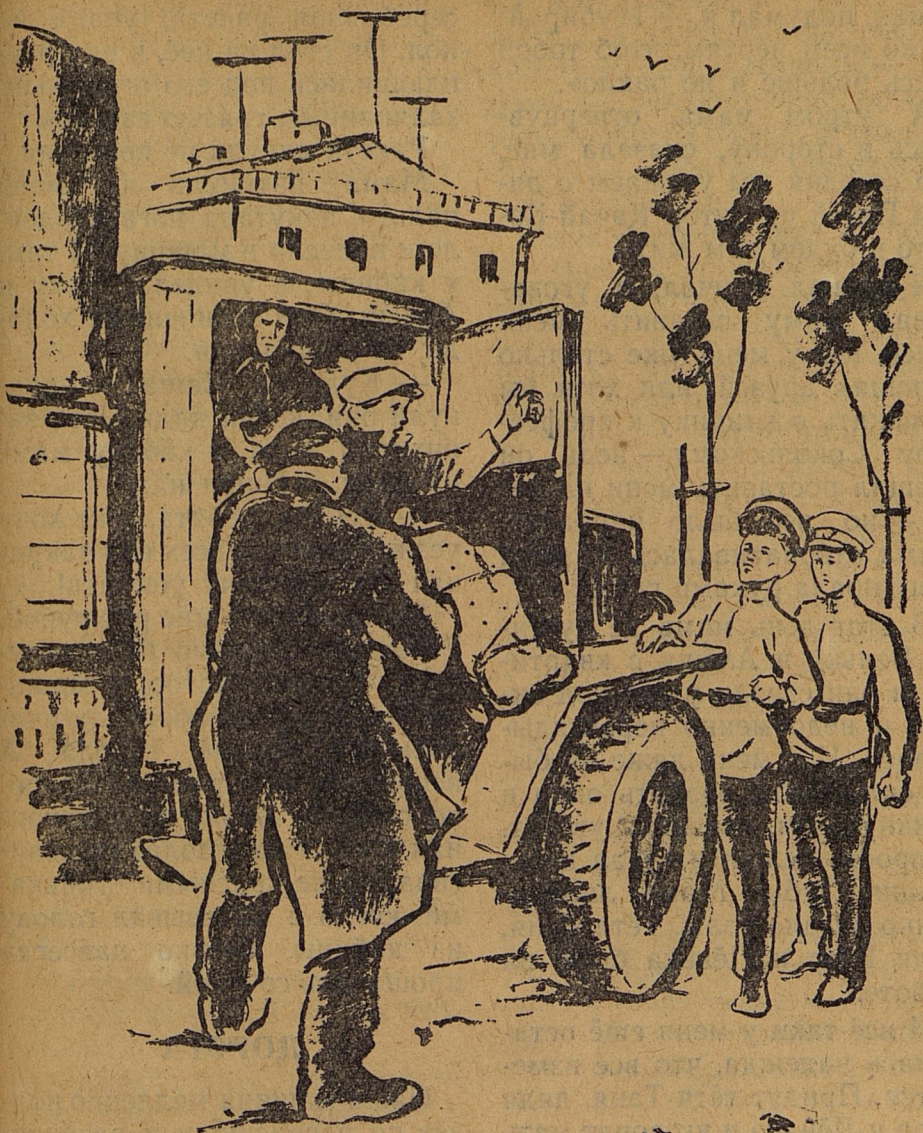
Тётя Таня перестала жаловаться на головную боль.

— Ох и фантазёры, — сказала она. — Ох и выдумщики!

До сбора оставалось два дня. На ночь я поставил ракету на стул возле кровати и несколько раз просыпался, чтобы посмотреть на неё. Большая, серебристая, она мягко теплилась в темноте.

А назавтра вечером к нам заявился дядя Петя. Я сразу даже не узнал его. Он был побрит, в чёрном отглаженном костюме и белой рубашке. Он принёс мне гостинец — коробку шоколадных конфет, кото-

рую я тут же запихнул под кровать, и весь вечер о чём-то шептался с мамой. Она сидела, покрасневшая и растерянная, и комкала в руках салфетку.

Сквозь дремоту, как сквозь вату, я слышал тоненький голосок дяди Пети. Если бы я только знал, какую роль в моей жизни сыграет этот разговор, я бы не заснул. Но я ничего не

знал. И поэтому до меня долетали только бессвязные обрывки рассказа о том, что на секту ополчились «слуги дьявола», что сейчас всех «братьев» и «сестёр» будут судить и отправлять в Сибирь, а ему, слава богу, повезло, он вырвался из «когтей сатаны» и должен на какое-то время исчезнуть из Минска.

«Вот и замечательно, — за-

сыпая, подумал я. — И убирайся ко всем чертям, чтоб тобой здесь больше и не пахло».

А утром мама, отвернувшись в сторону, сказала мне, что сегодня мы уезжаем с дядей Петей на хутор Качай-Болото и будем там жить.

Я плакал, кричал, я уговаривал маму оставить меня здесь, где у меня уже столько хороших друзей, или хотя бы положить в клинику к профессору Сокольскому — ведь он обещал поставить меня на ноги, — но всё было напрасно. Мама отворачивалась от меня и вытирала руками глаза.

В этот день мама непустила Веньку и Алёшу в квартиру, и они стояли у нас под окном и недоуменно переглядывались. И у меня даже не было сил, чтобы разбить окно и крикнуть им, что меня увозят. Я просто лежал и кусал пересохшие губы. Мама лихорадочно вязала узлы. Тётя Таня, дядя Егор и Лёнька были на работе.

И всё-таки у меня ещё оставалась надежда, что всё изменится. Придут тётя Таня, дядя Егор и Лёнька и уговорят мать остаться, и вышвырнут дядю Петю на улицу. Но они ничего не знали о том, что у нас происходит, и в пять не вернулись домой. Наверно, у них было какое-нибудь собрание или они вместе пошли в народную дружину. А в шесть дядя Петя и два здоровенных грузчика уже перетаскивали в крытый грузовик наши вещи. Дядя Петя сгреб со стола мои книги и бросил их в угол. Ракета, моя

серебряная ракета, упала на пол. Он стал на неё, и она расплющилась под его огромным, заляпанным грязью сапогом.

Ракета никуда не полетела...

Мама натянула на меня пальто, закутала ноги в одеяло и понесла в машину. И там, у кабины, я увидел Веньку и Алёшу. Они посинели от холода, но не уходили.

— Куда ты, Саша? — крикнули они, когда дядя Петя запихивал меня в кабину маме на руки. — Пиши нам!

— Ребята, ребята, я не хочу уезжать! — изо всех сил закричал я. — Не хочу уезжать!

Мама зажала мне рот рукой. Ребята растерянно переглянулись. Заревел мотор, и машина, набирая скорость, помчалась по улицам города. А вскоре он уже растаял за поворотом, и только телевизионная вышка ещё долго подмаргивала мне красными огоньками, когда я высовывал голову из кабины, словно навсегда прощалась со мной.

ДОРОГА

Наша машина медленно ползёт по раскисшему и разбитому посёлку. Трясет так, что я то и дело стучаюсь головой о крышу кабины, и мама изо всех сил прижимает меня к себе. Воняет бензином, кажется меня вот-вот вытошнит.

Шофёр курит и сплевывает в приоткрытое стекло. В узкую щель тянет сырым и холодным воздухом. И всё равно я задыхаюсь.

Медленно тлеет папироса. Огонек её то высвечивает

угрюмое лицо шофёра, перепутанные волосы под маленькой, плоской, как блин, кепкой, то его грязные руки, крепко лежащие на баранке.

Он всё время поворачивает её из стороны в сторону, и машина то проваливается в какую-то яму так стремительно, что у меня холодеет в груди, то, гремя всеми своими болтами и гайками и цепляясь за скользкую грязь, лезет на косогор. И тогда кабина наполняется едким удушливым дымом, от которого у меня слезятся глаза, а мама надсадно кашляет, прикрыв рот кончиком платка.

Иногда машина останавливается. Шофёр дёргает за рычажки, нажимает на педали, крутит баранку, но всё напрасно. Мотор то протяжно воет, то захлебывается и начинает звонко чихать, а грузовик дрожит от напряжения, и похож он на старую уставшую лошадь, которую уже сколько ни бей, но с места не стронешь.

Тогда шофёр с треском открывает дверцу и зычно кричит:

— Петро, а Петро! Вылазь, язви тебя в душу, пособлять. Опять засели!

И вытаскивает из-под сиденья топор и лопату.

Затем слышится злой и торпливый стук топора, и придорожные берёзки и топольки летят под колёса. И колёса мнут, крошат их, обдирают с них скользкую блестящую кору, втаптывают в грязь обож-

жённые осенним пламенем листья, и наша машина опять ползёт вперёд, выхватывая фарами из темноты чёрную, как дёготь, воду в лужах и редкие, страшно одинокие километровые столбы.

Тошнота подступает к горлу всё сильнее, и я отчаянно сжимаю зубы и торопливо сглатываю вязкую слюну. «Эх, путь-дорожка фронтальная», — сердито бормочет шофёр и снова закуривает. Я закрываю глаза, и передо мной появляется рыжий хохочущий Венька. Он лезет на экскаватор, и экскаваторщик молча уступает ему своё место. Венька тянет за рычаг, ковш медленно вгрызается в землю. А вот он уже поднимается выше, выше... И тут появляется дядя Петя. Он стоит прямо под ковшом, задрав голову, и лениво почёсывает свою волосатую грудь. «Нажимай!» — изо всех сил кричу я Веньке, и он нажимает на какой-то рычаг, и целая гора земли с битым кирпичом обрушивается с огромной высоты на дядю Петю, а Венька хохочет, и шофёры, столпившиеся у котлована, тоже хохочут, и солнце хохочет, и тополь, мой тополь, тоже трясётся от смеха всеми своими листочками. Но вдруг куча земли начинает шевелиться, и дядя Петя вылезает из неё и машет Веньке тяжёлым кулаком. И Венька исчезает, и сильный голос шофёра будит меня.

(Продолжение следует)

Кушайте на здоровье!

(К фотоочерку на 2-й странице обложки)

Положив голову на кочку, Серёжа пристально смотрит в небо. Высоко-высоко маячит тёмная точка: то пропадёт, словно утонув в синих струях воздуха, то снова мелькнёт. И оттуда, с высоты, серебряным пунктиром падает песня жаворонка.

«Маленький, а горластый! — удивляется Серёжа. — Интересно, на какой он сейчас высоте?.. Космонавт... Мне бы так...»

— Гав-гав!..

Это верный Джульбарс подал сигнал тревоги. И вот уже «космический полёт» прерван. Серёжа Фёдоров снова подпасок. Работая поводьями, скачет он на Голубке и вместе с Джульбарсом теснит корову от предательской болотины к стаду.

— Глупая, — баском укоряет пеструху всадник. — Старая, а глупая. Лезешь на погибель, хочешь оставить кого-то без молока, без мяса да еще разутым...

Незадолго перед этим между пастухами шла такая беседа.

— Пастух — фигура на первый взгляд неприметная, — говорил Серёже Петр Иванович Фёдоров. — Даже такой, как я, хоть уже двадцать седьмой год пасу. Или вот он, к примеру, — указал Фёдоров на Виктора Яковлевича Самойлова. — Какой-нибудь карапуз в городе будет пить молоко, есть жаркое, щеголять в яловых сапожках, а про нас, пожалуй, и не подумает. Откуда ему знать, что ты, Сергунька, сегодня встал в пять утра, а к шести уже был на ферме. И вчера, и каждый день... А всё для того, чтобы приготовить ему, несмышлёному, молочка, сметанки, маслица, говядинки, обути в добрые башмаки.

Серёжа и сам как-то не задумываясь о своей незамысловатой должности подпаса и о том, что дает человеку это замечательное животное — корова. А тут вдруг задумался. В самом деле, ведь это

же он кормит того парнишку, про которого говорил Петр Иванович. Да что там парнишку! Ведь и отец его тоже употребляет все эти продукты. А этот отец, может быть, сталевар или паровозный машинист, или профессор, а, может статься, даже и космонавт!..

Уразумел Серёжа, что должность его весьма значительная и чуть было не возгордился. Но тут же сообразил: «А доярки? А животноводы? А ветеринары?»

Начал Серёжа перебирать в памяти всех жителей своего родного колхоза «Первое мая» Гатчинского района и пришел к выводу: в колхозе всё равно, что на заводе. Тут тоже конвейер, только очень большой и сложный. Каждый человек трудится на своём месте — и тракторист, и полевод, и плотник, и пастух, и шофёр, и животновод. На этом конвейере телята превращаются в коров, коровы дают молоко, которое станет потом кефиром, сметаной, маслом и сыром. На этом же конвейере «растут» колбаса, котлеты и сапоги.

...Еще не пропели вторые петухи — 4 часа утра. А доярки уже на ферме. Сайма Лиукконен проверила доильный аппарат, пошла в коровник. Тишина. Отчётливо слышно, как бьют в подойники тёплые струи молока, как облегчённо вздыхают коровы.

Молоко есть! Но какое оно? На этот вопрос ответит зоотехник Анна Андреевна Громова. Она склонится над микроскопом, внимательно разглядит каплю молока. И если будет обнаружен болезнетворный микроб, то такое молоко не попадёт к вам на стол, можете не сомневаться!

Коровы в поле. Щиплют сладкую, росистую траву, помахивают хвостами. А пастухи следят, не спускают глаз. Вот заметил Виктор Яковлевич Самойлов, что Жизель какая-то скучная, словно бы аппе-

тит у неё пропал. Мигом доложил заведующему фермой Желнову, а тот вызвал колхозного санитаря Дубецкого:

— Уж не больна ли?

Пётр Максимович с одного взгляда понял, что надо предпринять. Но он не вправе доверять глазам. Лишь измерив Жизели температуру, санитар отпер аптечку, наполнил шприц.

— Сделаем укол, — решительно говорит Пётр Максимович, — и снова будет наша Жизель подвижная и весёлая, как балерина.

Пуста деревенская улица, люди на фермах, на полях, домики прячутся за кустами цветущей сирени. Но вот откуда-то взялась стайка школьников в пионерских галстуках. Они отворили одну из калиток и через распахнутое окно приветствуют пожилую женщину:

— Здравствуйте, тетя Шура! Как здоровье?

— Спасибо, родные! — улыбается знатная доярка, Герой Социалистического Труда Александра Ефимовна Фёдорова. — Есть новости?

— Есть! — негромко отвечает Люся Ижорина. — Сайма Лиукконен

обогнала по надою молока тётю Надю Соколову...

Александра Ефимовна чуть приметно вздыхает. Если бы не годы, не пенсионная книжка, она потяглась бы и с Саймой и со всеми доярками!

Ленинград. Московский проспект. Бегут трамваи, несутся, сверкая полировкой легковые автомашины, деловито гудят грузовики. Но вот на проспект врываются две белые цистерны, одна на шасси могучего МАЗа, другая на прицепе. В этом «поезде» лихой шофёр доставил городу-труженику продукт нелёгкой работы села — молоко.

Плещется в этих цистернах и доля подпаска Серёжи Фёдорова, весело позванивает, как бы восклицая: «Кушайте на здоровье!»

А вот и едоки! Пока Нина Иванова управляет с мясом, Серёжа Кононов с наслаждением пьёт прохладное молоко. До чего же вкусно! Выходя из-за стола едоки скажут: «Спасибо!»

Кому эта благодарность? Всем труженикам колхозного села и в том числе подпаску Серёже Фёдорову.

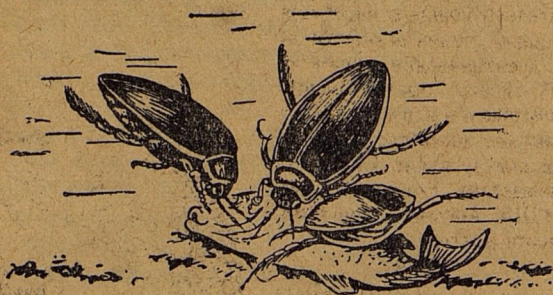

Натуралисты, в поход!

МАЛЕНЬКИЕ ХИЩНИКИ

А КАКОЙ богатый мир можно наблюдать летом на водоёмах! Чего тут только нет: и крупные водяные животные — рыбы, лягушки, тритоны; и мелкие чуть заметные глазом насекомые — рачки, улитки, разные водяные жуки. Мы расскажем о двух из них.

Жука-плавунца можно найти всюду: в пруде, в небольшом озере на лугу, в канаве, на торфяном болоте и в тихом затоне реки. Это крупный тёмный жук. Сидя на берегу, можно видеть, как он всплывает на поверхность, выставив наружу кончик брюшка. Повисит так с минуту и снова нырнёт, выпустив пузырёк воздуха. Плавунец — прожорливый хищник. Он даже и от крупной добычи не отказывается.

В небольшом пруду, сильно размножившись, плавунцы могут уничтожить всю рыбу. Они поедают не только

рыбью икру и мальков, но и на взрослых рыб нападают.

Водолюб ещё крупнее плавунца (до пяти сантиметров в длину). Выпуклый, чёрный, он блестит, словно покрытый тушью. Плавает водолюб не торопясь. Когда глядишь на него, кажется, что водолюб и не плывёт вовсе, а «шагает» по воде. Впрочем, он и действительно больше ползает по подводным растениям, чем плавает. Чтобы его обнаружить, нужно пошарить сачками, а то и просто решетом, в подводных зарослях. На вид он совсем безобидный жук. Опасны его личинки. Личинка водолюба — хищник. Она нападает на водяную улитку и на других водяных животных, которых только сумеет схватить и удержать. Ухитрится даже ловить мальков рыб.

ЖИВАЯ РАКЕТА

КТО из вас не видел стрекозы!.. Словно маленький вертолёт, парит она над водой, поблескивая крылышками. Очень она красива! А попробуй-ка поймай стрекозу!

Не тут-то было! С какой бы стороны ни подкрадывались вы с сачком в руках, стрекоза вас всё равно заметит. Дело в том, что у голубой красавицы совершенно необыкновенные глаза. Огромные, выпуклые, они занимают не только все бока головы, но даже заходят за темя. Поэтому стрекоза видит всё, что делается вокруг неё.

Однако это совсем не значит, что стрекозу нельзя поймать. Ловить её нужно ранним утром, до зари. В это время она, прицепившись к ка-

Как плавунцы, так и водолюбы — враги рыбобоев. Этих жуков нужно уничтожать.

мышу или осоке, словно спит, и её можно просто рукой снять.

Очень интересны и личинки стрекоз. Они — водные жители. И к тому же — хищницы. Охотятся они на комаров, мух и даже на головастиков.

Дышит личинка кислородом, растворённым в воде. Органы дыхания

помещаются у неё в самом конце туловища и не только служат ей для получения кислорода, но и помогают двигаться. Личинка стрекозы может двигаться, как ракета. В минуту опасности личинка, быстро сжав брюшко, с силой выбрасывает из себя воду. Толчок отдачи бросает личинку впе-

рёд, и она летит большими скачками.

Перед последней линькой личинка покидает воду и выползает на какое-нибудь растение. Здесь, сбросив свое «детское платье», она и превращается в стрекозу. Пустые шкурки личинок нередко попадают среди лета в камышах и осоках.

✱

...полярное сияние иногда покидает северные широты? Так, 20 февраля 1950 года это интересное явление природы наблюдали москвичи. Около 12 часов ночи вся северная сторона неба Москвы опоясалась двумя огромными колышущимися дугами. Одна из них была светлорозовой, другая — светло-зелёной. Дуги исчезали и появлялись вновь, переливались красками, выбрасывали яркие дрожащие лучи. Сохранилось предание и о том, что в 1242 году, накануне битвы Александра Невского с тевтонскими рыцарями, над Чудским озером вдруг вспыхнуло северное сияние. Древний летописец сообщает, что многие видели в воздухе «полки божьего воинства», которые спешили на помощь князю Александру.

✱

...в морях и океанах содержится около 2 миллиардов кубических километров воды? Если всю эту воду собрать в одну «наплю», то получится гигантский водяной шар с поперечником в полторы тысячи километров.

✱

...среднегодовая температура на южной окраине долины Ак-Сой в Средней Азии ниже, чем в Якутии? Она составляет минус 7 градусов.

Знаешь ли ты, что?

✱

...свыше четверти всех железнодорожных перевозок в нашей стране осуществляют электрические локомотивы? Общая протяжённость электрифицированных участков дорог составляет у нас сейчас около 14 тысяч километров. Это больше, чем в США, Англии и Франции, вместе взятых.

✱

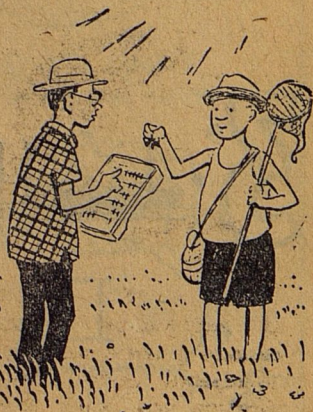
...для занятий спортом в нашей стране существует 300 тысяч различных спортивных сооружений? В их числе 2400 стадионов, 11 000 спортивных залов и 830 плавательных бассейнов.

✱

...существуют и искусственные алмазы? Первые из них были получены ещё в прошлом веке. В 1880 году английский учёный Генней проделал около 80 опытов, и три из них принесли исследователю удачу: Генней получил мелкие желтоватые кристаллики, которые и сейчас хранятся в Британском музее с этикеткой: «Искусственные алмазы Геннея».

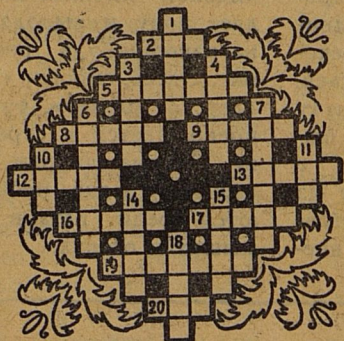
✱

...число известных и учённых видов насекомых превышает полтора миллиона? Специалисты считают, что на самом деле насекомых на Земле гораздо больше — около 3 миллионов видов.

(Составила Наташа Игнатьева, 343-я школа)

По вертикали: 1. Ледяное поле. 3. Вид городского транспорта. 4. Один из северных портов нашей страны. 6. Выдающийся русский живописец-реалист. 7. Насекомое. 10. Старинное стрелковое оружие. 11. Спортивный снаряд. 14. Инструмент для обработки металла. 15. Молоч-

ный продукт. 18. Законченный оборот речи, предложение.

По горизонтали: 2. Месяц. 5. Продукт переработки нефти. 8. Кабан. 9. Герой из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 12. Амортизатор — приспособление, смягчающее толчки между вагонами. 13. Герой произведения А. Серафимовича «Железный поток». 16. Головной убор. 17. Русская народная сказка. 19. Садовое растение. 20. Рыба.

«БУКЕТ»

(Составила Лариса Ляпина, 210-я школа)

На двенадцати одинаковых полосках написали двенадцать названий полевых и лесных цветов и трав — по одному названию на каждую полоску. Затем полоски переплели «рогожкой», отчего некоторые буквы скрылись...

Установите, какие названия были написаны.

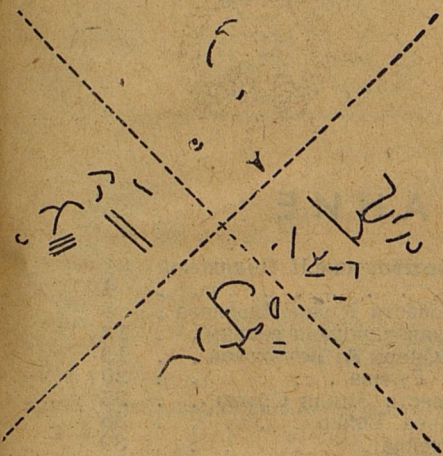
РЕБУС

Разгадав ребус, вы прочтёте афоризм.

НА КУСОЧКЕ КАЛЬКИ...

(Шутка)

— Внимание!.. Посмотрите на меня... Так! Спасибо...

Чтобы последовать этому совету, — посмотреть на «него», — перенесите наш рисунок на кальку (тушью или чернилами), сложите листок с угла на угол дважды, строго по линиям, нанесенным пунктиром, и посмотрите на свет...

ЛОГОГРИФ

(Составил Саша Ермолаев, Гатчина)

Предлагаю читателям «Искорки» превратить шар в куб... Под словом «шар» нужно подписать новое слово, отличающееся только одной какой-либо буквой, ниже — третье слово, отличающееся от второго опять-таки одной буквой. Так, слово за словом, доберитесь до слова «куб».

Все вписываемые вами слова должны быть именами существительными (не собственными) в единственном числе.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

(Прислал Олег Андреев, Левашово)

Составьте фразу, в которой пять раз подряд повторился слог «ли».

МЕТАГРАММА

(Оля Рябова, 394-я школа)

Я то, с чем лучше вам не зняться...
Смените букву — и со мною
не расстаться.

Я или следую за вами по пятам,
Иль «путь указываю» вам,
Или шагаю рядом с вами...
Так что же я?... Решайте сами.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 5)

КРОССВОРД

1. Капрон.
2. Перрон.
3. Партер.
4. Картон.
5. «Кортик».
6. Термос.
7. Метчик.
8. Маршак.
9. Арамис.
10. Оксана.

РЕБУС-ШУТКА

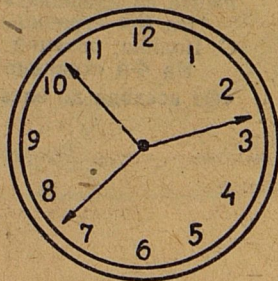
Наскочила подкова на булыжник.

КАКОЕ ЧИСЛО Я ЗАДУМАЛ?

Была задумана цифра 5 в средней клетке последней вертикали — на неё указывает «стрелка», образованная одиннадцатью «четвёрками».

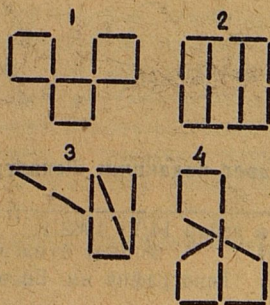
ЦИФЕРБЛАТ

Решение смотрите на рисунке.

ДВЕНАДЦАТЬ СПИЧЕК

Решение смотрите на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

В дальних странах у друзей. Стихотворение Н. Поляковой	1
Польские народные шутки	4
Язык всем понятный. Главы из повести Юрия Яковлева	5
В нашем селе так едят... Румынская народная сказка	12
По следам итальянских партизан. Очерк А. Беляковой	13
Первая космическая. Рассказ Дм. Гулева	20
Поляна Трёх Берёз. Главы из повести Эмиля Офина	25
Два ослика. Стихотворение Грицька Бойко	38
Загадки археологии. Статья Л. Клейна	39
Ходили мы походами. Фельетон Г. Усыскина	47
Очень хочется жить. Продолжение повести Михаила Герчика	50
Кушайте на здоровье! Текст и фотоочерк на 2-й странице обложки	58
Натуралисты, в поход!	60
Знаешь ли ты, что?	61
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — рисунок художника П. Вискова «Красные следопыты».

На 2-й странице обложки — фотоочерк Г. Сафонова «Кушайте на здоровье!»

На 3-й странице обложки — «Фестивальный зонтик». Стихи С. Колина, рисунки Г. Ясинского.

На 4-й странице обложки — рисунок художника Н. Зверева «От восхода до заката дружат с солнышком ребята».

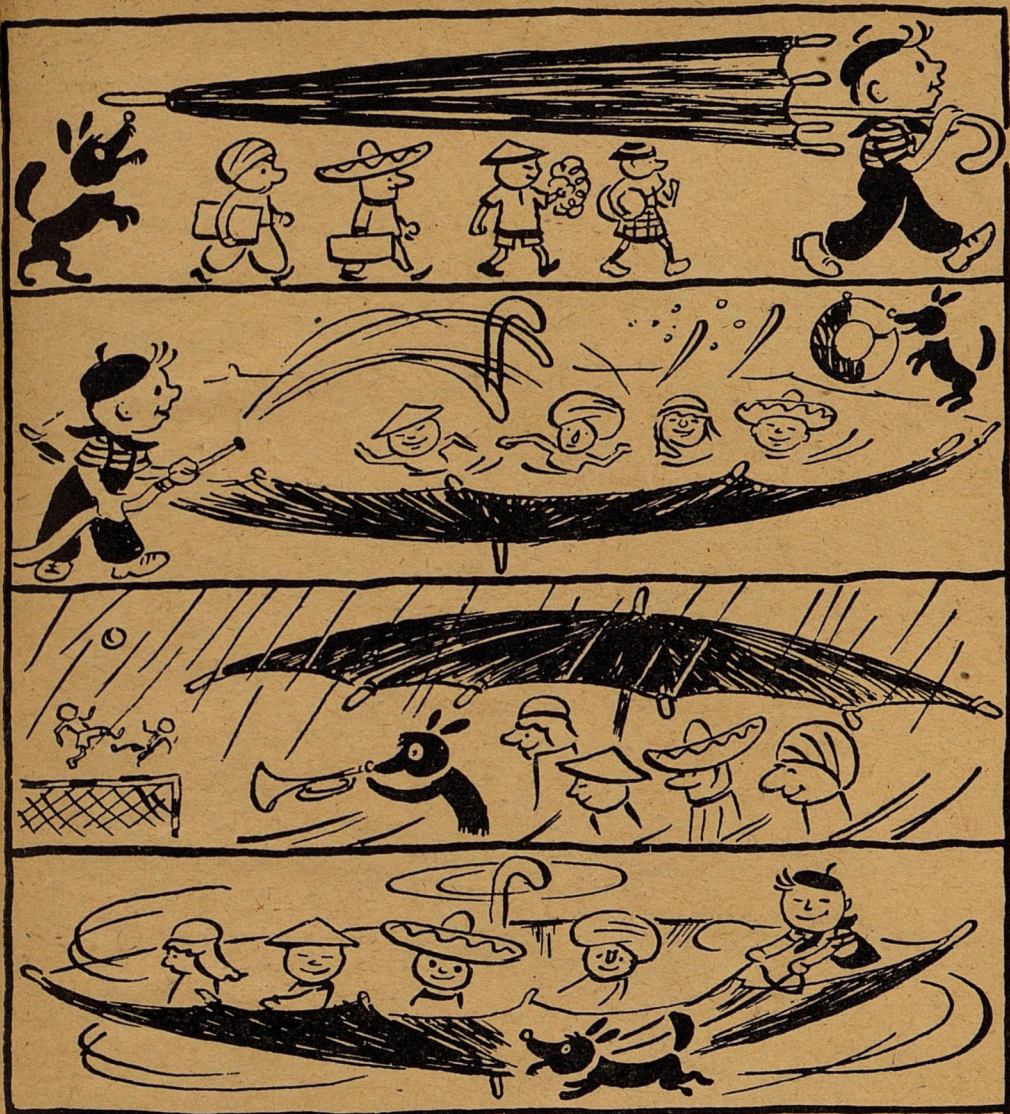
288227

Редактор А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр. Фонтанка 57, (вход с Торгового пер., 1)
Тел. А 4-54-90

Сдано в набор 14/VI 1962 г. Подписано к печати 19/VII 1962 г. Зак. № 942. 4 печ. л.
М-01454 Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.
Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Ох, и было бы веселье,
Если б дети всей Земли
Ну, хотя бы на неделю
Съездить в Хельсинки могли!

Все бы дружно хором пели
Песни мира — все подряд.
И хватило бы недели,
Чтоб сдружить всех-всех ребят
Прочной дружбой — крепче стали.
Только сбудется едва ль,
Чтоб ребята все попали
На Всемирный фестиваль.

Что же выдумать ребятам?
Иностранным делегатам,

Может, чем-нибудь помочь?
Что ж, помочь любой не прочь!

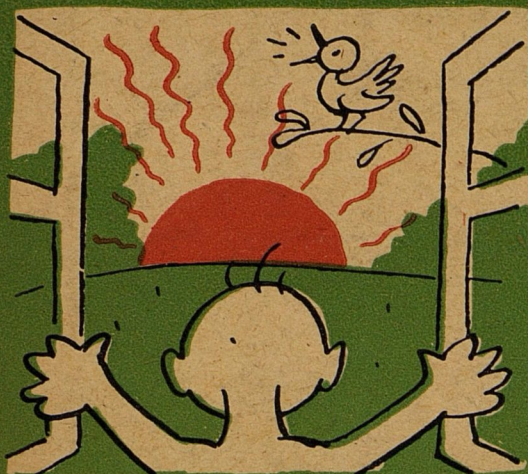
Потрудившись ровно сутки,
Для гостей из разных стран
Наш Аркадий Перепуткин
Сделал зонтик-великан.
Можно в зонтике купаться,
Можно в зонтике кататься,
От дождя под ним скрываться —
Зонт огромен, как шалаши.
Молодец Аркадий наш!

С. КОЛИН

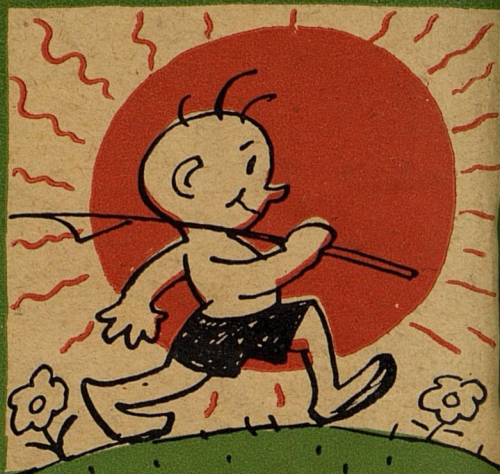
Рис. Г. Ясинского

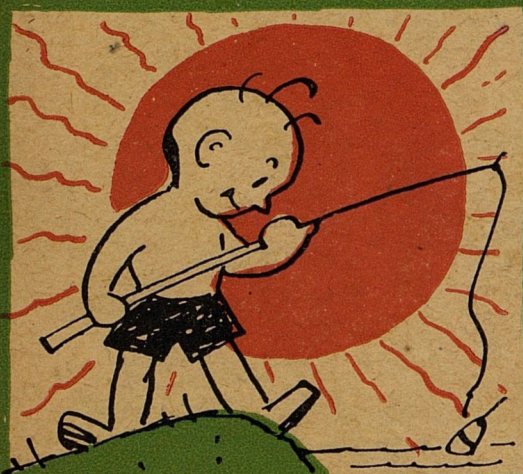
ОТ ВОСХОДА ДО ЗАКАТА ДРУЖАТ С СОЛНЫШКОМ РЕБЯТА

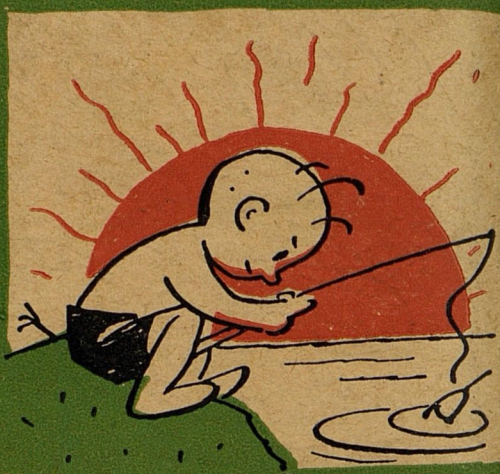
1. ХВАТИТ СЛАТЬ! - СКАЗАЛО СОЛНЦЕ,
ПОСТУЧАВ ЛУЧОМ В ОКОНЦЕ.

2. И ПОПЛЫЛО ВСЕХ БУДИТЬ.
А СЕРГЕЙ ПОШЕЛ УДИТЬ.

3. ПОЛДЕНЬ... СОЛНЦЕ ПЫШЕТ ЖАРОМ,
ОДАРЕЯЕТ ВСЕХ ЗАГАРОМ

4. ВЕЧЕР... БЛИЗИТСЯ ЗАКАТ.
А УЛОВ - ТО МАЛОВАТ!

5. ДЕНЬ ЗАКОНЧЕН. СОЛНЦЕ СЕЛО.
ЗА РАБОЮ - РЫБА - КИТ!

У СЕРГЕЯ БОДРЫЙ ВИД:
ЗА РАБОЮ - РЫБА - КИТ!